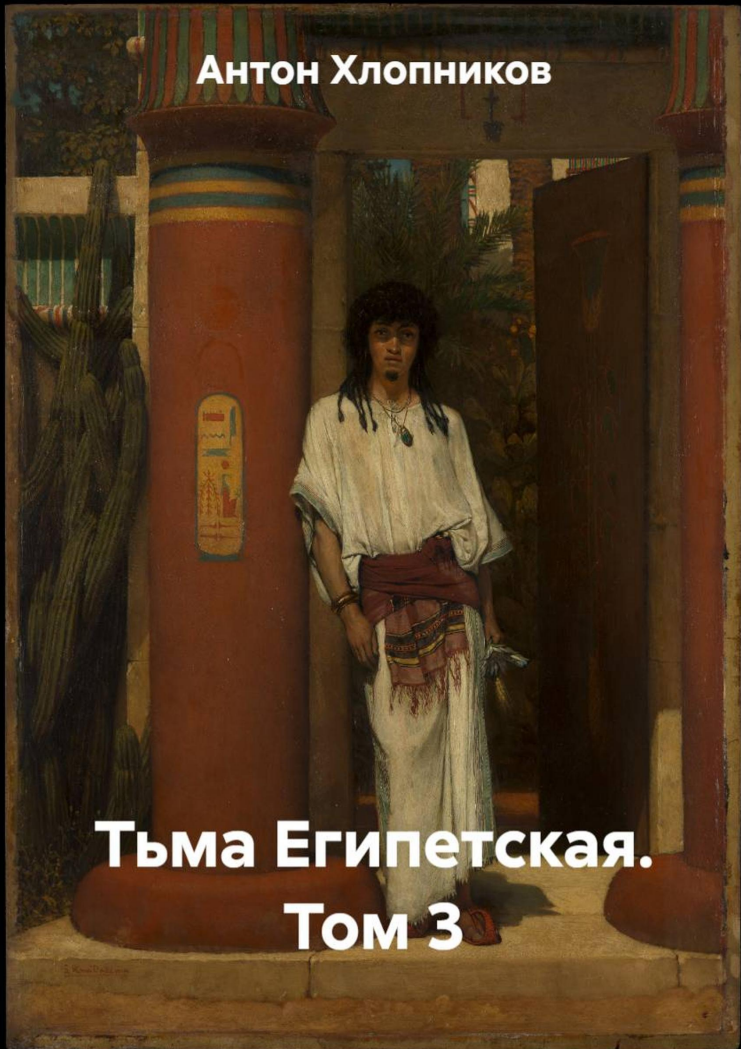

Антон Хлопников

**Тьма Египетская.
Том 3**

Антон Хлопников

Тьма Египетская. Том 3

<https://litres.ru/73591942>

SelfPub; 2026

Аннотация

Очнувшись после двадцати лет комы, Тутанхамон — фараон, перерождённый в теле современного человека, — пытается найти своё место в мире, где от его цивилизации остались только камни и пыль. Он учится жить заново: привыкает к новой семье, осваивает технологии будущего, скрывает от окружающих свою истинную природу.

Но прошлое не отпускает. Древние тексты, которые он читает как родные, приводят его к известному египтологу. Вместе они готовят экспедицию, способную стать открытием века. Однако чем глубже герой погружается в тайны древности, тем яснее понимает: за его пробуждением стоит нечто большее, чем случайность.

Вопросы о вере, о предназначении, о том, кто или что направляет его путь, встают перед ним в полный рост.

Третий том — о пути к истине, о цене выбора и о том, что даже то, что кажется утраченным навсегда, может вернуться.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Антон Хлопников

Тьма Египетская. Том 3

Глава 1

Тутанхамон стоял у самого края ручья, в той части сада, куда редко заходили взрослые. Здесь даже слуги появлялись только по утрам – поправить камни, убрать упавшие листья, проверить, не застоялась ли вода. А в остальное время можно было стоять и смотреть сколько угодно.

Ему было шесть лет, но выглядел он на пять. Худой, узкоплечий, с бледной кожей, которая никогда не видела настоящего солнца – только мягкий свет, пробивающийся сквозь навесы из тростника. На нём был короткий льняной схенти, подвязанный поясом из мягкой кожи, и тонкая накидка на плечах – утром всегда было прохладно. Никаких украшений, кроме маленького амулета на шее – скарабей из синего фаянса, подвешенный на льняной нитке. Обычная одежда для ребёнка из царского дома: простая, но из хорошей ткани, без излишеств, которые положены взрослым.

Он смотрел на лягушку.

Она сидела на мелком месте, там, где вода почти не двигалась, и бултыхала задними лапами, пытаясь зарыться в ил.

Лягушка была обычная для этих мест – зелёная, с тёмными пятнами на спине, с выпуклыми глазами, которые смотрели сразу во все стороны. Такие жили в каждом пруду, в каждом канале, выползали после разлива и оглашали окрестности таким громким кваканьем, что закладывало уши. Но здесь, в саду, их было мало – слуги вылавливали, чтобы не пугали царицу.

– Сестра, смотри, что я нашёл, – сказал он, даже не оборачиваясь.

Она подбежала быстро. Всегда быстро. Анхесенамон было восемь лет, и она носилась по дворцу так, будто за ней кто-то гнался. Чуть позади, стараясь не отставать, семенила Хенут – такая же быстрая, но чуть более осторожная, привыкшая держаться на шаг позади своей госпожи.

На Анхесенамон было простое льняное платье до колен, подхваченное под грудью широкой лентой. Волосы – чёрные, прямые, ещё не заплетённые во взрослые причёски – рассыпались по плечам. На шее – такой же амулет, как у брата, только чуть больше. На ногах – сандалии из мягкой кожи, но она уже скинула их, чтобы бежать быстрее, и теперь стояла босиком на тёплых камнях.

Хенут, дочь начальника ремесленных палат Небетауи, была одета скромнее – платье из более грубого льна, без ленты, просто перехваченное верёвкой. Но держалась она так, будто это не имело значения. Два года назад, когда её отца отправили в ссылку, а семью лишили всего, её привели во дворец и

отдали в услужение маленькой принцессе. Сначала она просто выполняла, что велят. Потом, незаметно для себя, начала ждать тех моментов, когда можно будет побыть рядом, посмотреть, как Анхесенамон смеётся, как бегает, как командует. А потом и сама Анхесенамон привыкла к этой молчаливой девочке, которая всегда рядом, всегда готова подхватить, если что-то упадёт, или просто помолчать, когда не хочется говорить.

– Где? – выдохнула Анхесенамон, подбегая.

Он показал пальцем.

Она вытянула шею, вглядываясь в воду. Лягушка замерла, почуяв опасность, и только глаза её вращались, следя за приближающейся тенью. Секунду Анхесенамон смотрела, прищурившись, а потом, не раздумывая ни мгновения, сунула руки в воду.

Всплеск. Лягушка дёрнулась, но было поздно – маленькие, но цепкие пальцы уже сжимали её скользкое тело. Анхесенамон выпрямилась, держа добычу перед собой, и лицо её расплылось в торжествующей улыбке.

– Смотри! – она протянула лягушку брату.

Тот попятился.

Лягушка дёргалась, пытаясь вырваться, её холодные лапы царапали воздух, и Тутанхамону показалось, что она сейчас выпрыгнет прямо ему в лицо. Он сделал ещё шаг назад, споткнулся о камень и чуть не упал.

Анхесенамон рассмеялась. Звонко, заливисто, как умеют

смеяться только дети, которым всё нипочём. И, не глядя, кинула лягушку Хенут.

Та даже не вздрогнула. Ловко, будто всю жизнь только этим и занималась, поймала лягушку в воздухе. Замерла на секунду, держа её в ладонях, а потом аккуратно, двумя пальцами, перехватила поудобнее. Лягушка затихла, будто поняла, что с этой связываться бесполезно.

Анхесенамон всё ещё смеялась, но Тутанхамон не слышал смеха. В ушах стоял только стук собственного сердца. Он смотрел на сестру, на её весёлое лицо, на Хенут, которая спокойно держала лягушку, и чувствовал, как внутри поднимается что-то горькое, тяжёлое, почти незнакомое.

Он трус.

Он испугался маленькой зелёной лягушки. Испугался перед сестрой, перед служанкой, перед самим собой. Они такие смелые, такие ловкие, а он – он просто стоит и смотрит, и глаза уже начинают щипать от слёз, которые он изо всех сил пытается сдержать.

Анхесенамон перестала смеяться.

Она увидела это раньше, чем он успел отвернуться. Увидела, как дрожат губы, как сжимаются кулаки, как по щеке медленно ползёт первая, предательская слеза.

Она шагнула к нему.

– Ты чего? – голос её стал тихим, почти нежным. – Тут же ничего страшного нет. Смотри, она маленькая. – Она кивнула Хенут, и та поднесла лягушку поближе. – Видишь? Она

боится больше, чем ты.

Но он не смотрел. Он смотрел в землю, и плечи его вздрагивали.

Анхесенамон обняла его.

Крепко, по-взрослому, прижав к себе его худенькое тело. Одной рукой гладила по голове, по коротко стриженным волосам, другой придерживала за спину.

– Ничего, – шептала она. – Ничего страшного. Ты просто ещё маленький. Я тоже боялась, когда была маленькая. А теперь не боюсь. И ты перестанешь. Обязательно перестанешь.

Он уткнулся лицом ей в плечо и замер. Лягушка тем временем, почуяв, что про неё забыли, резво выпрыгнула из рук Хенут и с плеском скрылась в ручье.

Хенут только плечами пожала – и села на корточки у воды, глядя, как расходятся круги.

Тутанхамон в полудрёме ещё видел её лицо. Сестра улыбалась ему – той особенной улыбкой, какой она улыбалась только в детстве, когда они были маленькими и ещё не знали, что такое долг, династия и трон. Она стояла в саду, протягивала к нему руки, и он чувствовал тепло, которое шло от неё, как от маленького солнца.

Жена, поправил он себя.

И тут же, как всегда, пришла горечь.

Он любил её. Сильно, по-настоящему, той любовью, какая бывает только между детьми, выросшими вместе. Она была старше, сильнее, смелее – и всегда защищала его. От чу-

жих насмешек, от строгих взглядов жрецов, от собственных страхов. Когда другие дети знати обзывали его слабаком, она находила обидчика и таскала за волосы так, что тот неделю ходил с шишкой. Когда учителя начинали сомневаться, потянет ли он науку, она садилась рядом и зубрила с ним до темна, хотя её никто не просил.

А потом их поженили.

Это был не его выбор. Не её. Просто старый порядок, которому тысячи лет: царская кровь должна оставаться чистой. Брат и сестра, сын и дочь фараона – так было всегда, так будет всегда. Никто не спрашивал, хотят ли они. Просто сказали: отныне вы муж и жена.

Она приняла это. Как принимала всё – молча, с достоинством, не жалуясь. Но он видел. Видел, как гаснет свет в её глазах, когда жрецы говорят о долге. Видел, как она сжимает кулаки, когда придворные начинают шептаться о наследнике. Видел, как она улыбается ему – и в этой улыбке уже нет того тепла, что было раньше. Только усталость и бесконечная, выматывающая нежность к брату, который стал её мужем по чужой воле.

А потом были дети. Два раза. И два раза она хоронила их, не успев даже назвать имена.

Он знал, что она не винит его. Она вообще никого не винила – такова воля богов, говорила она, такова судьба. Но он винил себя. Каждую ночь, засыпая, он думал: это из-за меня. Из-за моей слабой крови, из-за того, что я родился таким.

Если бы я был сильнее, если бы во мне было больше жизни, они бы выжили. И она бы не плакала по ночам, думая, что никто не слышит.

Он любил её. Не как жену – как сестру. Как ту единственную, кто всегда был рядом, кто верил в него, когда никто не верил. И от этого чувство вины становилось только сильнее. Потому что он ничем не мог ей помочь. Потому что он сам был причиной её несчастий.

Тутанхамон открыл глаза.

И ничего не увидел.

Перед глазами была только мутная, серая пелена – ни света, ни теней, ни очертаний. Он моргнул, надеясь, что это пройдёт. Не прошло. Попытался протереть глаза, но руки не слушались. Он почти не чувствовал их – только где-то далеко, на самой границе восприятия, пульсировала тупая, тянущая боль.

Он хотел крикнуть. Позвать служанку, ту молоденькую девушку, которую приставили к его дверям несколько дней назад. Кажется, её звали Мерит. Он запомнил это имя случайно – старшая служанка Таис, важная, из знатного рода, говорила с ней таким тоном, будто та была пустым местом. «Мерит, принеси воды». «Мерит, убери это». И Мерит бесшумно, быстро, без слов делала, что велят.

– Мерит, – попытался позвать он.

Изо рта не вырвалось ни звука. Только тихий, сиплый выдох, которого никто бы не услышал даже за дверью.

Сердце заколотилось быстрее. Что случилось? Почему он ничего не видит? Почему не может пошевелиться?

И тут память вернулась – резко, как удар копьём.

Охота.

Он так хотел проявить себя. Показать, что чего-то стоит. Что он не просто мальчик на троне, за которого всё решают другие. Колесничий предлагал уступить поводья, но он отмахнулся – я сам, я справлюсь. Лошади понесли, он не сумел их удержать. Камень на дороге. Удар.

Последнее, что он помнил – собственное тело, летящее навстречу груде камней, и крик колесничего где-то далеко, за спиной.

А потом темнота.

И вот – темнота снова. Только теперь он в ней, живой, но словно замурованный. Видит, но не видит. Чувствует, но не может двинуться.

Страх накатил липкой, холодной волной.

До сознания Тутанхамона стали доноситься звуки. Сначала просто шум – как ветер в ушах, как далёкий прибой, как кровь, пульсирующая в висках. Потом шум начал складываться во что-то иное.

Голос. Мужской. Резкий, отрывистый, с возбуждёнными нотками.

Слова были чужими, но почему-то понятными. Они проникали в разум и там, будто сами собой, превращались в образы.

– ...вот это новость. Самый старый пациент нашего центра начал проявлять активность?

Тутанхамон почувствовал, как чьи-то пальцы приподняли его веко. Серая мгла перед глазами осталась, но внезапно в ней зажёгся яркий свет. Он резанул по глазам, заставив зрачок инстинктивно сузиться.

– Интересно. Его зрачки реагируют на свет. Очень странно. За столько лет там должно было всё атрофироваться. Зрачок должен реагировать только спустя несколько недель, и то в лучшем случае.

Женский голос, высокий, взволнованный:

– Инна, говоришь, у него пальцы дрожали? Как будто он хотел пошевелить рукой?

– Да. Я когда протирала, заметила.

Тутанхамон вслушивался, пытаясь понять. Слова были чужие, но каждое из них, падая в сознание, оставляло за собой понятный образ. Пациент – больной. Центр – дом лекарей, только большой, огромный, и лечат здесь не жрецы, а врачи. Как Сенмут. Только лучше. Намного лучше.

Откуда он это знал? Он не понимал.

Мужской голос снова заговорил:

– Этот пациент... Дмитрий Бузыч... тут был ещё до моего прихода на работу. Я тогда в девятом классе учился. Так... попробуем.

Пауза. Шаги. Шорох одежды.

– Дмитрий, вы меня слышите? Если слышите, откройте

глаза или попробуйте пошевелить пальцами.

Дмитрий.

Это имя прозвучало в голове Тутанхамона отчётливо, как удар гонга. Так его зовут здесь. Здесь? А где – здесь?

И вдруг – образ. Яркий, чужой, но невероятно реальный. Большой город. Огромные каменные дома, уходящие в небо. Дороги, по которым мчатся повозки без лошадей. Толпы людей в странной одежде. Огни. Шум. Запахи, которых он никогда не чувствовал.

Он инстинктивно попытался схватиться за голову. Руки не слушались, но пальцы дёрнулись – он почувствовал это движение, слабое, едва уловимое, но своё.

– Пётр Павлович! Вы видели? Он пошевелил пальцами!

Женский голос сорвался на радостный визг.

– Да, видел. Дмитрий, а теперь ещё раз. Два раза попробуйте пошевелить пальцами.

Тутанхамон послушался. Сжал кулак – точнее, попытался сжать. Пальцы дрогнули раз. И ещё раз.

– Пётр Павлович, опять! Два раза! Он вас слышит и понимает!

Мужчина хмыкнул. В этом звуке смешались удивление, недоверие и что-то похожее на профессиональный азарт.

– Мда. Надо звать Аркадия Ивановича. И главврачу сообщить. Это ж надо – двадцать лет в коме, непонятно как вообще жил, вегетативное состояние с минимальными признаками жизни, а тут – раз! – и очнулся. Да ещё и так. Зрачки

реагируют, движения есть, волю подаёт. Такого в литературе не опишешь.

Тутанхамон лежал, вслушиваясь в эти странные, чужие, но такие понятные слова, и пытался понять только одно.

Где он?

Тутанхамон открыл глаза.

Серая пелена всё ещё была перед ним, но теперь она начала меняться. С краёв, медленно, как будто кто-то стирал пыль со стены, проступали очертания. Сначала совсем размытые, потом чуть чётче, потом ещё.

Через несколько секунд зрение вернулось.

Он лежал в светлой, маленькой комнате. Стены – мягкого зелёного цвета, почти как молодые листья. Потолок – белый, ровный, без единой трещины. Вокруг него, в изголовье и по бокам, стояли какие-то устройства – гладкие, блестящие, с мигающими огоньками и тонкими трубками, которые тянулись к его телу. Он чувствовал их – холодный пластик на коже, лёгкое давление там, где иглы входили в вены.

Справа от него стояла женщина. На ней был зелёный костюм – штаны и что-то вроде рубашки с короткими рукавами. На голове – светло-зелёный чепчик, из-под которого выбивались светлые волосы. Она смотрела не на него, а на мужчину, стоящего слева.

Мужчина был лет тридцати пяти, одет так же. Они о чём-то тихо говорили, и в их голосах слышалось то же возбуждение, что и раньше.

Женщина повернула голову и встретила с ним взглядом. На секунду она замерла. Потом, не отрывая глаз от Тутанхамона, тронула мужчину за руку.

– Пётр... смотри. Он на нас смотрит.

Мужчина резко обернулся. Его лицо, только что озабоченное, вытянулось от удивления.

Тутанхамон переводил взгляд с одного на другого. Медленно, неуверенно, но – осознанно. Он видел их.

– Невероятно, – выдохнул врач. – Дмитрий, вы видите нас? Как зрение? Различаете предметы?

Тутанхамон попытался ответить.

Из горла вырвался сначала просто хрип – сухой, царапающий, будто внутри всё заросло пылью. Потом, с огромным усилием, слова начали складываться.

– Вижу... – прошелестел он едва слышно. – Немного неясно... но вижу.

Женщина ахнула и прижала ладони к груди. Врач шагнул ближе, вглядываясь в его лицо.

– Дмитрий, это потрясающе. Вы понимаете, где вы? Помните, что случилось?

Тутанхамон смотрел на них. На эти странные одежды, на ровный белый свет, льющийся откуда-то с потолка, на блестящие трубки и мигающие огоньки. В голове было пусто и одновременно тесно от образов, которые он не мог объяснить.

Он открыл рот. Снова хрип, снова боль в пересохшем гор-

ле.

– Где я? – спросил он.

Пауза. Врач переглянулся с женщиной.

– Вы в больнице, Дмитрий. В Казани. Вы были в коме... двадцать лет.

Тутанхамон моргнул. Двадцать лет. Слова ложились в сознание тяжёлыми камнями, но смысл ускользал.

– Кто я? – спросил он.

В комнате стало тихо. Женщина смотрела на него с жалостью и надеждой. Врач – с профессиональным интересом, за которым пряталось что-то большее.

– Вы... – начал он осторожно. – Дмитрий Бузыч. У вас было тяжёлое отравление в две тысячи пятом году. Сейчас две тысячи двадцать пятый. Вы пролежали здесь двадцать лет. Вы ничего не помните?

Тутанхамон смотрел на них и молчал.

Двадцать лет. Казань. Дмитрий Бузыч.

Имена были чужими. Слова были чужими. Но почему-то он их понимал.

Почему-то он знал, что это – правда.

– Всё спутано, – прошептал Тутанхамон. Голос всё ещё был чужим, хриплым, едва пробивающимся сквозь пересохшее горло. – Я помню охоту... как я падал с колесницы... потом тишина.

Врач замер. На его лице появилось странное выражение – смесь удивления и лёгкого замешательства.

– Колесницы? – переспросил он. – Я ничего такого не знаю. В истории вашей болезни, которую у нас в отделении знают все врачи, об этом ничего нет. Да и охота... – он покачал головой. – Не помню таких забав в то время.

Он помолчал, будто смакуя неожиданное слово.

– Охота на колесницах... – повторил он медленно. – Эпично, наверное.

Тутанхамон смотрел на него, пытаясь понять, шутит он или говорит серьёзно. Но тут молодая женщина – девушка, понял он, глядя на неё внимательнее, лет двадцати с небольшим, интерн, снова всплыло в голове странное, но понятное слово, – достала из кармана своего зелёного костюма какой-то чёрный прямоугольный предмет.

Она чуть отстранилась от кровати, вытянула руку с этим предметом в сторону от себя, наклонила голову к Тутанхамону и изобразила улыбку. Секунду смотрела пристально на тонкую коробочку, потом нажала пальцем – раздался отчётливый щелчок.

– Инна! – врач посмотрел на неё с осуждением. – Ну что это такое?

– Да просто это же капец как офигенно, Пётр... Павлович! – девушка сияла. – Выложу в телеге.

– Нельзя, Инна. Совсем сдурела? Тебя потом пациент засудит.

Он говорил с ней как с маленькой девочкой, которой нужно объяснить очевидные вещи. Инна обиженно надула губ-

ки, но потом, будто о чём-то догадавшись, снова расцвела в широкой улыбке и повернулась к Тутанхамону.

– Дмитрий, а можно я нашу с вами фотку выложу у себя? Это же капец как круто! Все мои одноклассники обзавидуются! Я принимала участие в феномене!

Тутанхамон смотрел на неё, на эту странную девушку в зелёной одежде, с её чёрной коробочкой и непонятными словами. Телега? Фотка? Феномен?

Он не понимал, о чём она говорит. Но почему-то понимал, что она не желает ему зла. Просто... странная. Очень странная. Как и всё вокруг.

Врач тяжело вздохнул, потёр переносицу и посмотрел на мониторы, мигающие разноцветными кривыми.

– Инна, иди лучше Аркадия Ивановича позови. И главному врачу сообщи, пусть спустится. А то сама потом будешь объяснять, почему у тебя селфи с пациентом в соцсетях раньше, чем официальное заключение.

Инна вздохнула, убрала чёрную коробочку в карман и, бросив на Тутанхамона ещё один сияющий взгляд, выпорхнула из палаты.

Тутанхамон проводил её взглядом и снова посмотрел на врача.

Тот стоял, задумчиво глядя на него, и в его глазах читалось что-то, чего Тутанхамон не мог понять. Не страх. Не жалость. Скорее, жгучее профессиональное любопытство.

– Дмитрий, я понимаю, что вы сейчас чувствуете, – начал

врач. Голос его звучал мягче, чем раньше, без той профессиональной отстранённости, которая была в начале. – Такие новости сложно принять. Вы полжизни провели на больничной койке...

Он замолчал, подбирая слова, и вдруг его лицо исказилось виноватой гримасой.

– И я извиняюсь, что так вам всё выложил. Это было непрофессионально с моей стороны. Простите меня. Просто это так неожиданно...

Он провёл рукой по лицу, будто пытаясь собраться с мыслями.

– Вы здесь лежите уже двадцать лет. Без систем жизнеобеспечения – дышите сами, питание, понятно, через зонд. Гастростома у вас, ещё с первых лет. Но тем не менее, все ваши функции были в норме. Даже полной атрофии мышц не происходило.

Тутанхамон слушал, пытаясь понять смысл слов, которые сыпались на него, как камни. Гастростома? Атрофия? Звучало страшно, но врач говорил об этом так, будто это было обычным делом.

– Обычно такие пациенты... – продолжал тот. – Через год, максимум два, даже при постоянных процедурах – пассивная гимнастика, электростимуляция мышц, регулярные переворачивания, чтобы пролежней не было, массаж, физиотерапия – мышцы всё равно атрофируются. Тело усыхает. А у вас...

Он посмотрел на Тутанхамона с каким-то новым выражением – смесь удивления и почти благоговейного трепета.

– А ваше тело... на вид вам не больше двадцати пяти. Это просто загадка. И при этом – почти полное отсутствие мозговой активности всё это время. Если бы мы были в Европе, боюсь, вас бы давно уже... – он запнулся, – ...усыпили. Так сказать.

Тутанхамон не понял последнего слова, но интонация подсказала: ничего хорошего в этом не было.

– Но у нас не так, – быстро добавил врач. – Нельзя. Даже по просьбе родственников.

Он помолчал и вдруг улыбнулся – тепло, по-человечески.

– Но это к вам не относится. Ваши родители тут каждую неделю приходят. На целый день. Сидят с вами, разговаривают. Вот они обрадуются-то.

Он покачал головой, будто не веря собственным словам.

– Нужно срочно сообщить. Это чудо, Дмитрий. Самое настоящее чудо.

Он посмотрел на Тутанхамона долгим, внимательным взглядом.

– Ещё раз простите за излишние эмоции. Просто... двадцать лет. Вы даже не представляете, что это значит для нас, для врачей, для ваших родных. Для всей медицины.

Тутанхамон смотрел на него и молчал.

Родители. Каждую неделю. Сидят с ним.

У него были родители. Здесь, в этом странном мире, у

него были родители.

И они ждали его двадцать лет.

Он закрыл глаза, и перед внутренним взором снова встало лицо сестры. Анхесенамон. Её улыбка. Её руки, глядящие его по голове в том далёком детстве.

А потом образ растаял, и осталась только белая стена и тихий голос врача, который куда-то звонил, взволнованно и сбивчиво объясняя, что случилось невозможное.

Глава 2

Весь день проходил в постоянных посещениях. Люди в таких же светло-зелёных одеяниях, как у Инны и Петра Павловича, сменяли друг друга. Они заходили, тихо переговаривались, бросали на него быстрые взгляды, делали какие-то пометки в планшетах и уходили. Тутанхамон, или – он уже начинал привыкать к этому странному, чужому имени – Дмитрий, лежал и наблюдал. Ему это напоминало прием у вельможи, когда просители толпятся в приёмной, ожидая аудиенции. Только здесь просителями были врачи, а предметом прошения – он сам.

Потом пришла целая процессия. Несколько человек в белых накидках поверх обычной одежды, в белых шапочках на головах. Один из них, шедший впереди, явно был главным.

Тутанхамон сразу обратил на него внимание. Мужчина выглядел очень старым – пожалуй, даже старше, чем жрецы, которых он помнил из детства. Ему было далеко за семьдесят, может, даже больше. Но в отличие от дряхлых старцев, ко-

торых Тутанхамон видел в Египте, этот человек держался с удивительной прямотой и достоинством.

Его лицо, покрытое сетью глубоких морщин, было спокойным и сосредоточенным. Седая, коротко стриженная борода обрамляла волевой подбородок. Высокий лоб, умные, внимательные глаза, в которых читалась не просто усталость, а привычка принимать решения, от которых зависят жизни. Он двигался неторопливо, но в каждом его жесте чувствовалась властная, спокойная уверенность человека, который за свою жизнь видел слишком много, чтобы чему-то удивляться. Таким мог быть верховный жрец или старый военачальник – если бы не эти странные белые одежды.

Пётр Павлович, врач, которого Тутанхамон запомнил первым, постоянно находился рядом. Он то и дело подходил к главному, показывал какие-то записи, тыкал пальцем в бумаги, и говорил, говорил, говорил. Говорил он быстро, энергично, с жаром, и было видно, что он искренне гордится тем, что произошло.

Тутанхамон слышал обрывки фраз: «спонтанное пробуждение», «полное отсутствие деградации мышц», «реакция зрачков», «когнитивные функции». Пришедшие слушали, удивлённо вскидывали брови, переглядывались.

А когда Пётр Павлович, видимо, в какой-то момент сообщил им возраст пациента – почти сорок три года – эффект превзошёл все ожидания. Даже главный, с его невозмутимым лицом, чуть приподнял бровь и посмотрел на Тутан-

хамона с новым, острым интересом. Остальные и вовсе не скрывали изумления. Они смотрели на него, на этого юношу с лицом двадцатипятилетнего, и, казалось, не верили своим глазам.

В короткие минуты, когда его оставляли одного, Тутанхамон лежал и размышлял. Это было странное, почти незнание ему состояние – спокойное, холодное размышление. В Египте он всегда был окружён людьми: слугами, жрецами, советниками, вечно суетящейся знатью. Здесь же, в этой маленькой комнате, он был один.

Палата была крошечной. Кровать, тумбочка, какие-то приборы на стенах. Окно выходило в стену соседнего здания. Ничего лишнего. Видимо, за столько лет он надоед мо-золить глаза начальству, и врачи, поняв, что с ним ничего плохого внезапно не случится, перевели его сюда. Лет восем-надцать назад. Тутанхамон узнал об этом из обрывков раз-говоров персонала.

Он вспоминал. Вспоминал свою жизнь в Египте. Свою слабость, свои страхи, свою сестру. Но рядом с этими воспо-минаниями, странным образом не вытесняя их, а существуя параллельно, жили другие. Воспоминания человека по име-ни Дмитрий Бузыч.

Это было удивительное ощущение – словно в голове ле-жала огромная, подробная книга, открытая всегда на нужной странице. Ему не нужно было вспоминать – он просто знал. Знал, что Дмитрий учился в КАИ – эти три буквы возникали

в сознании вместе с образом высокого здания и толпы студентов. Знал, что за пару месяцев до защиты диплома, на какой-то пьянке с друзьями, он отравился поддельной водкой. Почти умер, но каким-то чудом выжил и двадцать лет пролежал без сознания. Знал имена: Андрей, Степан, Олег... Они всплывали из этой внутренней книги легко и естественно, словно он знал их всю жизнь.

Но они не становились его воспоминаниями. Не окрашивались его эмоциями. Они просто были – как свод законов, как знание о далёких землях, почерпнутое из свитков. Он мог заглянуть в них в любой момент и узнать всё, что нужно, но они не сливались с его собственным «я».

И это тоже было странно – он, Тутанхамон, думал о себе в третьем лице, спокойно и отстранённо, словно изучал древний манускрипт. В Египте он редко не позволял себе такую роскошь – думать. Там за него думали жрецы, советники, сестра. Здесь же, в тишине этой маленькой палаты, он вдруг обнаружил, что его разум, лишённый внешнего давления, работает сам. Работает холодно, ясно.

С детства он тянулся к знаниям. Физическая немощь, постоянные болезни, слабость – всё это делало его бесполезным на охоте, в военных играх, в тех забавах, которыми увлекались другие молодые вельможи. Он компенсировал это чтением. Свитки о богах, о древних царях, о чужих землях, о тайнах неба и звёзд – он проглатывал их десятками. Окружающие смотрели на это как на безобидную причуду. Что

может быть безопаснее, чем мальчик, который тихо сидит в углу и читает? Он не выпячивал свои знания, не козырял ими, не пытался участвовать в диспутах старших жрецов. Он просто впитывал, накапливал, запоминал.

И теперь, лёжа здесь, в этом странном мире, он вдруг почувствовал, что этот накопленный груз знаний пригодился. Его разум, привыкший к систематизации, к поиску аналогий, к пониманию скрытых связей, начал работать сам.

Он попытался найти в своей египетской памяти хоть что-то, что могло бы объяснить его нынешнее состояние.

Вспомнились старые свитки о «Ка» и «Ба» – о двойнике человека и о его душе. Жрецы учили, что «Ка» может покидать тело, но обычно это происходило лишь после смерти. А «Ба» – птица с человеческой головой – улетала в небо. Но здесь было иначе. Он не умер. Его тело – тело Дмитрия – жило. А его собственное тело осталось там, в Египте. Что же произошло? Обмен «Ка»? Переселение души?

В голове всплыл древний текст из Книги мёртвых, который он когда-то читал в свитке, привезённом из Фив: «Я есть вчера, и я знаю завтра. Я есть возрождающийся вновь и вновь». Жрецы говорили, что это строки о самом Ра, о вечном возрождении солнца. Но сейчас эти слова звучали иначе. Они звучали как пророчество.

Он подумал об Осирисе, который был убит, а затем воскрешён своей сестрой-женой Исидой. О воскресении в загробном мире. О переходе из одного состояния в другое. Но

он не умер. Или... умер? Тот Тутанхамон, который упал с колесницы, – жив ли он? Или его душа, его «Ка», каким-то образом переместилась сюда?

В мифологии не было ответа. Не было случая, чтобы душа человека вселилась в тело другого. Это выходило за пределы всего, чему учили жрецы.

И тогда он подумал о другом. О том, что он знает из воспоминаний Дмитрия. О науке, о физике, о клетках и молекулах. В этих воспоминаниях тоже не было ответа. Люди XXI века не умели перемещать души.

Значит, оставалось только одно: принять это как данность. Как чудо. Как необъяснимое событие, свидетелем которого ему довелось стать.

Странно, но эта мысль не испугала его. Наоборот, в ней было что-то успокаивающее. Если это чудо, значит, оно имеет цель. Значит, он здесь не случайно. Значит, его слабость, его никчёмность, его бесполезность в том мире, возможно, была лишь предисловием к чему-то другому. К чему-то, что должно случиться здесь.

Он посмотрел на свои руки. Руки молодого, сильного человека. Руки, которые никогда не держали меч, но которые, возможно, должны будут держать что-то другое.

За окном стемнело. Где-то в коридоре затихли шаги. Тутанхамон закрыл глаза и позволил себе раствориться в этой тишине. Завтра будет новый день. И, возможно, в этом дне он найдёт ответы.

На следующее утро первой в палату вошла Инна. Тутанхамон даже не повернул головы. Он лежал, глядя в потолок, и ждал. Слуга войдёт, сделает что должно и удалится.

Она вошла – суетливо, шумно, с пластиковым лотком, с этим своим вечным стремлением заполнить тишину словами. Он молчал. Не потому что не хотел говорить – потому что говорить первым было не его роль.

– Доброе утро, Дмитрий! Как спалось? Ничего не беспокоит?

Он чуть заметно повёл бровью. Дмитрий. Это имя всё ещё резало слух. Но он не поправлял. Здесь его звали так.

Инна взяла кровь. Он позволил. Протянул руку, не глядя на неё, словно делал одолжение. Когда она протянула таблетки и воду, он взял их, проглотил, не задавая вопросов. Лекарям виднее.

Уколы – быстрые, почти безболезненные – он перенёс с тем же отстранённым спокойствием. В Египте жрецы-лекари тоже делали ему уколы – правда, тогда это были тонкие костяные иглы с настойками трав. Технологии изменились, суть осталась.

Инна говорила. Говорила без умолку, и в её голосе не было ни тени того почтения, к которому он привык. Она обращалась к нему как к равному, как к интересному экземпляру, как к диковинке, которую хочется показать друзьям.

Он видел этот чёрный прямоугольник в её руках. Телефон. Камера. Из воспоминаний Дмитрия всплыли образы –

студенческие годы, начало двухтысячных, первые модели с камерами. Толстые, неуклюжие. Эта была тонкой, изящной. Технологии ушли вперёд.

Она снимала его. Без разрешения. Без подобающего прошения.

В Египте за такое могли и прогнать плетью. Здесь, видимо, это было в порядке вещей.

Инна всё говорила. Она хотела от него эмоций, хотела, чтобы он сказал что-то для её записи. Тутанхамон молчал. Не из страха, не из растерянности – из спокойного, ледяного осознания: он не обязан отчитываться перед слугой.

– Я устал, – сказал он ровно, когда она сделала паузу. – Оставь меня.

Он не просил. Он повелевал.

Инна замерла на мгновение, словно не веря, что разговор закончен так внезапно. Потом спрятала телефон, быстро проговорила про кнопку вызова и вышла.

Тутанхамон остался один. Хорошо. Тишина была ему в радость.

Через полчаса дверь снова открылась. Вошла женщина – полная, лет шестидесяти, в такой же зелёной одежде. Она несла поднос. В отличие от Инны, в ней не было суеты. Она двигалась тяжело, но уверенно, как человек, привыкший к долгой работе.

Поставила поднос на тумбочку, поправила одеяло. В её движениях чувствовалась та особая, почти материнская за-

ботливость, которой Тутанхамон не знал. Царица-мать никогда не поправляла ему одеяло.

– Ну, здравствуйте, Дмитрий. Я тётя Зина, медсестра. Буду вас кормить, поить, обхаживать.

Она говорила просто, без подобострастия, но и без той развязности, с которой Инна пыталась разговаривать с ним. Она делала своё дело – и делала его хорошо.

– Вот, кушайте. Бульончик пока, лёгкий. Желудок у вас отдыхал, его будить надо, а не нагружать.

Тутанхамон молча взял ложку. Металлическая, лёгкая. Зачерпнул. Жидкость была почти безвкусной. Он выпил всё за несколько глотков, ожидая, что голод уймётся. Но стало только хуже. Зверский голод скрутил желудок, требуя настоящей пищи.

Тётя Зина ушла. Он остался один. Голод был невыносим. Он нажал кнопку. Прошло несколько минут. Вошла тётя Зина.

– Что случилось?

– Я голоден, – сказал он. – Этого мало. Принеси еды. Настоящей.

Он сказал это так, как отдавал распоряжения во дворце. Спокойно, без сомнений, что будет исполнено.

Тётя Зина посмотрела на него. Не испуганно, не подобострастно – а с лёгким удивлением человека, который сто раз видел таких пациентов. И не таких.

– Миленький, нельзя, – сказала она твёрдо. – Желудок у

вас двадцать лет спал. Если мы сейчас дадим нормальную еду, вы себе хуже сделаете.

Тутанхамон нахмурился. С ним так не разговаривали. Никогда.

– Я сказал – принеси еды.

В его голосе прорезалось то, что пугало слуг. Та самая ледяная, не терпящая возражений интонация, перед которой склонялись даже самые гордые управители во дворце.

Тётя Зина не склонилась.

Она поджала губы, упёрла руки в боки и посмотрела на него сверху вниз. Полная, пожилая женщина в зелёной униформе – и вдруг в ней проявилась такая сила, перед которой померкли бы все египетские вельможи.

– Слушай сюда, молодой человек, – сказала она. – Я тут тридцать пять лет работаю. Я таких, как ты, сотни через свои руки пропустила. И все поначалу быком бодались. А потом спасибо говорили. Врачи лучше знают, что тебе можно, а что нельзя. Ты тут не один умный.

Тутанхамон замер. На него никогда не повышали голос. Даже жрецы, даже сановники говорили с ним тихо, почтительно, даже когда пытались манипулировать. А эта женщина... она просто не понимала, кто перед ней.

Но вместе с возмущением в нём шевельнулось что-то другое. Что-то, чему он не мог найти названия. Может быть, уважение. К этой её твёрдости, к этой её непоколебимости. Она не боялась его. Вообще.

– Неделью-полторы на бульонах, – продолжала тётя Зина уже спокойнее. – Потом – протёртые супчики. Потом каши. А там и до нормальной еды дойдём. Всему своё время. А если будете бунтовать – позову Петра Павловича, он тебе быстро объяснит, кто тут главный.

Она помолчала и добавила уже мягче, почти ласково:

– Вы не думайте, что это наказание. Это лечение. Организм сам скажет спасибо, когда через месяц будете всё подряд есть и не мучиться.

Тутанхамон смотрел на неё и молчал. Он не знал, что сказать. Впервые в жизни его приказ не просто ослушались – его отчитали. Как мальчишку.

И странное дело – он не чувствовал гнева. Только растерянность. И что-то ещё... тепло? Эту женщину не волновало, кто он такой. Её волновало, чтобы ему стало лучше.

– Хорошо, – сказал он наконец тихо.

Тётя Зина удовлетворенно кивнула.

– Вот и умница. Терпите. Я сегодня поговорю с Петром Павловичем, может, разрешит бульон пять раз в день, вместо трёх. А пока – отдыхайте.

Она вышла.

Тутанхамон долго лежал, глядя в потолок. В голове было пусто и странно. Он – фараон. Живой бог на земле. Его слово было законом для миллионов. А здесь, в этой маленькой палате, полная женщина в зелёном просто сказала ему "нет". И он подчинился.

Потому что она была права.

Это открытие потрясло его больше, чем все чудеса нового мира. Оказывается, можно подчиняться не из страха, не из долга – а потому что тот, кто приказывает, действительно знает лучше. Потому что он заботится.

В Египте о нём заботились – но из обязанности, из ритуала, из страха перед гневом богов и властью фараона. Здесь же... здесь была просто тётя Зина, которой не было дела до его титулов. Ей было дело до него.

Какое-то время Тутанхамон лежал неподвижно, глядя в белый потолок, и думал о священных текстах. О "Книге мёртвых", о гимнах Ра, о тех строках, где говорилось о вечности, о путешествии души в Дуате, о сохранении тела для загробной жизни. Жрецы учили: тело должно остаться нетленным, иначе «Ка» не сможет в него вернуться, и человек исчезнет навеки. Для этого и делали мумии. Для этого бальзамировщики проводили семьдесят дней над телом фараона. Чтобы он жил вечно.

Странно, подумал он, я жив. А моё тело... что с ним стало там, в Египте?

И тут он сделал то, о чём потом пожалел. Он потянулся к воспоминаниям Дмитрия. Просто позвал их, как зовут слугу, – и они хлынули.

Это было не похоже на те спокойные, почтительные знания, которые он черпал раньше. Это был водопад. Нет, сель в горах – грязный, сметающий всё на своём пути поток об-

разов, дат, имён, фактов, обрушившийся на его сознание без предупреждения, безжалостно и неудержимо.

Тутанхамон. Новое царство. XVIII династия. Правил приблизительно с 1332 по 1323 год до нашей эры. Умер в возрасте около 19 лет. Причина смерти не установлена точно. перелом ноги, осложнённый малярией, или несчастный случай на охоте, или убийство.

Он хватал ртом воздух, пытаясь остановить этот поток, но было поздно.

Гробница KV62 в Долине Царей. Обнаружена Говардом Картером в 1922 году. Одна из немногих почти не разграбленных гробниц. Более 5000 артефактов. Золотая маска – символ Древнего Египта.

– Нет... – прошептал он, но видения не останавливались.

Мумия находится в гробнице до сих пор? Нет, сейчас – в стеклянном саркофаге в Долине Царей. Туристы со всего мира смотрят на неё. Фотографируют. Тысячи людей каждый день проходят мимо его тела, разглядывают его, как экспонат.

И самое страшное:

Он не упокоился с миром. Его исследовали. Рентген. Компьютерная томография. Анализы ДНК. Учёные спорили о его родословной, о его болезнях, о том, кто были его родители. Тело, которое должно было остаться нетленным для вечной жизни, стало объектом научных исследований. Как кусок камня. Как останки животного.

Тутанхамон почувствовал, как мир вокруг него поплыл. Он не потерял сознание – нет, это было хуже. Сознание осталось, но оно утратило связь с телом. Он слышал своё дыхание – частое, поверхностное. Слышал, как колотится сердце где-то в горле. Но не чувствовал ни рук, ни ног. Только этот чудовищный, разрывающий грудь ужас.

Тело фараона – священное тело, которое должно было сохраниться для вечности, чтобы душа могла возвращаться, – выставили на обозрение. Как диковинку. Как музейный экспонат. Как убитого зверя, которого охотник принёс похвастаться.

Всё, во что он верил, всё, чему учили его жрецы, рухнуло в одно мгновение. Нет никакой вечности. Есть только стеклянный ящик и любопытные взгляды чужеземцев.

А Египет? Где теперь Египет?

Ответ пришёл сразу, безжалостный и окончательный.

Египет есть. Но это не его страна. Там правят другие люди, говорят на другом языке, молятся другим богам. От его мира остались только камни. Пирамиды, храмы, гробницы – всё это превратилось в туристические достопримечательности. Местные жители зарабатывают на продаже безделушек путешественникам. И никто, абсолютно никто не помнит, что когда-то фараон был живым богом на земле. Для них это просто красивая легенда, способ заработать.

Тутанхамон застонал. Звук вырвался из горла сам, без его воли – глухой, надрывный, почти животный.

Его страна исчезла. Его народ исчез. Его боги исчезли. Всё, что он знал, всё, чем он был, – превратилось в пыль. В буквальном смысле – в пыль, которую сдувает ветер с барханов, равнодушный к величию тех, кто когда-то здесь правил.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута. Может, час. Он сидел, согнувшись, обхватив голову руками, и пытался переварить то, что узнал. Перед глазами всё плыло, в ушах стоял гул.

А потом, когда казалось, что хуже уже быть не может, в его сознание начали проникать другие мысли. Чужие, странные, но в то же время удивительно... успокаивающие.

Религии меняются. Боги уходят, приходят новые. Греки верили в Зевса, римляне – в Юпитера, викинги – в Одина, славяне – в Перуна. Где они теперь? Их сменили другие веры. Христианство, ислам, буддизм. А через тысячу лет, возможно, и они уступят место чему-то иному. Это не хорошо и не плохо. Это просто так устроен мир.

Империи рушатся. Египет пал. Рим пал. Византия пала. Монгольская империя рассыпалась в прах. Но люди остались. Они меняются, адаптируются, строят новое на руинах старого. Это не смерть – это трансформация.

Твоё тело... да, оно стало экспонатом. Но благодаря этому о тебе узнали миллионы. Твоё имя знает каждый человек в этом мире. Тутанхамон – символ целой эпохи. Разве это не бессмертие? Другое, не такое, как учили жрецы, но – бессмертие.

Ты жив. Ты здесь. Ты дышишь, думаешь, чувствуешь. Ты получил второй шанс. Не для того, чтобы оплакивать прошлое, а для того, чтобы построить что-то новое. Может быть, в этом и есть настоящая воля богов – не сохранять старое, а давать возможность создать новое.

Тутанхамон не знал, откуда приходят эти мысли. Может, это говорила в нём та часть Дмитрия, что была сильнее, чем он думал. Может, это его собственный разум, отчаянно цепляющийся за соломинку. Может, это действительно боги – новые, чужие, но тоже готовые помочь.

Он не знал.

Но постепенно дыхание выровнялось. Сердце перестало биться как бешеное. Руки и ноги снова стали ему подчиняться.

Он открыл глаза. Белый потолок был всё там же. Палата не изменилась. Изменился только он сам.

Тутанхамон медленно, очень медленно выдохнул.

– Хорошо, – прошептал он одними губами. – Хорошо.

Он не знал, хорошо ли это на самом деле. Но другого выбора у него не было.

Он жив. Он здесь. У него есть тело, есть разум, есть память – две памяти. И, кажется, есть цель. Какая – он пока не понимал. Но она обязательно появится. Потому что боги не дают второй шанс просто так.

Даже если эти боги – совсем не те, кому он молился в детстве.

Глава 3

На следующий день, после процедур и завтрака пришли они.

Дверь открылась медленно, и в палату вошли двое. Тутанхамон даже не успел подготовиться – он просто смотрел на них, и сердце его вдруг сжалось от странной, необъяснимой боли.

В голове, как вспышка, пронеслись образы из памяти Дмитрия. Молодые, смеющиеся лица. Они были студентами, когда он появился. Учились в том же КАИ, совмещали лекции, ночные кормления, вечные нехватки денег. А когда он попал в кому, все ещё были полны сил и здоровья

А теперь перед ним стояли пожилые люди. Лет за шестьдесят, поджарые, с умными, немного усталыми лицами.

Мать – ещё не старая, но время уже тронуло её. Лицо почти без морщин – видимо, кожа была такой от природы, – но глубокие следы переживаний залегли вокруг глаз. Глаза, которые столько лет, наверное, не просыхали от слёз. Светлые волосы, собранные в простой пучок, тронуты сединой, но не полностью – лишь отдельные пряди выдавали возраст.

Отец – абсолютно седой. Чисто выбритое лицо, острые скулы, прямой, внимательный взгляд человека, привыкшего к точным наукам и железной логике. Он держался прямо, стараясь сохранять спокойствие, но руки его – крупные, с длинными пальцами инженера – чуть заметно дрожали.

Мать не выдержала первой.

Она рванулась к кровати, забыв обо всём на свете – о приличиях, о возрасте, о том, что сын, возможно, ещё слаб. Она просто бросилась к нему, обхватила его голову руками, прижала к груди, и из неё вырвался тот самый звук, который невозможно подделать – смесь рыдания, смеха и бесконечного, выматывающего облегчения.

– Димочка... Димочка, родной мой... – голос её срывался, слова тонули в слезах. – Двадцать лет... двадцать лет, мальчик мой... Мы думали, ты никогда... мы уже и не надеялись...

Она говорила и говорила, глядя его по волосам, по лицу, по плечам, словно проверяя, настоящий ли он, не исчезнет ли, как мираж. Слезы текли по её щекам, падали на его больничную одежду, но она не замечала.

Отец стоял в двух шагах, не решаясь подойти. Он смотрел на эту сцену, и его лицо, обычно спокойное, невозмутимое, вдруг дрогнуло. По щеке медленно, совсем по-стариковски, скатилась скупая, мужская слеза. Он не вытирал её – будто не замечал, будто имел право на эту слабость здесь и сейчас.

Тутанхамон замер.

Он не знал, что делать. Совсем.

Эти люди были абсолютно чужими для него. Он никогда не видел их раньше, не знал их голосов, не чувствовал их тепла. Они принадлежали другому – тому, чьё тело он теперь занимал.

Но в груди... в груди творилось что-то странное. Сердце

сжималось так, будто хотело выпрыгнуть. Глаза защипало, и он с ужасом понял, что ещё немного – и сам не сдержит слёз.

Почему? Почему он, фараон, сын богов, владыка Двух Земель, так остро реагирует на этих чужих людей?

И тогда он понял.

В Египте у него не было этого. Не было матери, которая обнимала бы его вот так, не скрывая боли и радости. Не было отца, который смотрел бы с такой любовью, что не нужно слов. Были ритуалы, были обязанности, был долг. Но не было этого – простого, человеческого, бесконечно тёплого.

В его мире родители были фигурами из иерархии. Царица-мать появлялась редко, всегда в окружении жрецов, всегда занятая молитвами или государственными делами. Отец – фараон – был для него скорее символом, чем живым человеком. Тутанхамон помнил его строгим, далёким, почти нереальным.

А здесь... здесь была просто женщина, которая двадцать лет ждала своего сына. И мужчина, который не стыдился слёз.

Мать немного успокоилась. Всхлипывания стали тише, дыхание выровнялось. Отец молча протянул ей платок – обычный, белый, из плотной ткани. Она взяла его, промокнула глаза, высморкалась и только потом, словно впервые увидев, посмотрела на сына.

Долгий, внимательный, изучающий взгляд.

Они приходили сюда каждую неделю. Двадцать лет. Два-

дцать лет они садились рядом с этой кроватью, мыли его, брили, разговаривали с ним, читали ему книги, рассказывали новости. Они привыкли к этому лицу – спокойному, неподвижному, застывшему во времени. Оно стало частью их жизни, почти ритуалом.

Но сейчас, глядя на него живого, смотрящего в ответ, они словно впервые осознали то, на что раньше не обращали внимания. Он почти не изменился. Двадцать лет – а на вид ему всё те же двадцать с небольшим.

В её взгляде смешались боль, радость, недоверие и вдруг – любопытство учёного.

– Ты почти не изменился, – сказала она тихо. Голос её всё ещё дрожал, но в нём появились новые нотки. – Двадцать лет, а ты... ты выглядишь так же, как в тот день. Немногим старше. Мы приходили каждую неделю, мы видели тебя – но только сейчас, когда ты смотришь на нас... я поняла. Это... это из-за комы? Из-за того, что организм был во сне?

Она говорила, и в ней постепенно просыпался учёный. Та самая женщина, которая когда-то защитила диссертацию, которая работала в "закрытом" институте, которая знала, как устроены ракеты и почему они летают. Чудо не отменяло логики – оно требовало объяснения.

Тутанхамон молчал.

Он смотрел на неё, на этого человека, который был никем для него и одновременно – всем для того, другого. Он чувствовал тепло её рук, ещё касавшихся его плеч, и не знал,

что сказать.

Встретился взглядом с отцом. Тот чуть заметно кивнул. В этом кивке было всё: понимание, принятие, благодарность за то, что сын жив. И ни слова упрёка, что он молчит.

Тутанхамон перевёл взгляд на мать. Она ждала. Её глаза, ещё влажные от слёз, смотрели с надеждой и любовью, которую невозможно подделать.

Он открыл рот, чтобы сказать хоть что-то, но слова застряли в горле. Что он мог сказать? Что он не он? Что их настоящий сын, возможно, умер в тот самый миг, когда он, Тутанхамон, очнулся в этом теле? Что всё, что они пережили, все эти двадцать лет ожидания – ради чужого человека?

Он не мог.

И поэтому просто молчал. Кивнул чуть заметно, глядя ей в глаза, и в этом кивке было то единственное, что он мог дать: "Я здесь. Я жив. Я не знаю, кто я теперь, но я здесь".

Мать, кажется, поняла. Или просто не хотела думать о сложном. Она снова притянула его к себе, поцеловала в макушку и прошептала:

– Ничего, сынок. Главное, что ты с нами. Всё остальное – потом.

Отец подошёл ближе, положил руку ему на плечо. И в этом прикосновении было столько силы и нежности одновременно, что Тутанхамону показалось – ещё миг, и он сам расплачется.

Но он сдержался. Фараоны не плачут. Даже если их мир

рухнул, а новые боги ещё не дали им новых правил.

Мать начала рассказывать. Говорила она тихо, но с какой-то особенной, тёплой интонацией, словно боялась, что он снова исчезнет, если говорить слишком громко.

– Мы всё так же работаем, Дим... – она запнулась, но продолжила. – Не думаем пока на пенсию. Это неправильно, наверное, но работа... она держит. Без неё мы бы, наверное, сошли с ума за эти годы.

Отец, стоявший у окна, согласно кивнул. В его молчании чувствовалась та же мысль.

Мать рассказывала, и из её слов постепенно складывалась картина совсем другой жизни. Отец, оказывается, стал главным инженером на крупном оборонном предприятии. Тутанхамон не понял названия, но из памяти Дмитрия всплыло что-то связанное с какими то турбинами, с цехами, с чертежами, над которыми отец любил сидеть по ночам.

Мать возглавляла тот самый НИИ, куда пришла работать сразу после института. "Представляешь, – сказала она с лёгкой, почти виноватой улыбкой, – я теперь главная начальница там, где когда-то меня учили всему. Странно, да?"

Потом она заговорила о доме. О новом, большом доме в Васильево – недалеко расположенном от Казани посёлке. Их дом стоял недалеко от воды, с собственным выходом к реке Сумка.

– Там эллинг, – добавил отец, впервые вступив в разговор. Голос у него был низкий, спокойный, с хрипотцой. – Катер у

меня хороший, быстроходный. Вот поправишься – съездим, покажу. Рыбалка у нас знатная, щука есть, судак.

Он говорил об этом так, будто они уже договорились, будто сомнений в том, что сын поедет с ним, не было и быть не могло. И в этой уверенности было столько тепла, что Тутанхамону снова стало не по себе.

– И комната твоя там, – продолжила мать. – Мы её всё время держали... Танюша иногда ночевала, когда из города приезжала, но в основном она пустая стояла. Ждала тебя.

Она замолчала, и в тишине было слышно только тихое гудение аппаратуры.

Потом они переглянулись. Какой-то особенный, долгий взгляд, полный значения.

– Дим, – сказала мать осторожно. – Ты знай... когда ты в кому попал, я уже беременная была. Совсем маленький срок, мы ещё никому не говорили. А потом...

Она запнулась, но отец положил руку ей на плечо, и она продолжила:

– В общем, у тебя есть сестра. Танечка. Девятнадцать лет уже.

Тутанхамон смотрел на них и не знал, что сказать. Сестра. У него была сестра. У того, другого, чьё тело он занимал, была младшая сестра.

Отец выглянул в коридор и негромко позвал:

– Танюша, заходи скорее.

Дверь приоткрылась, и в палату вошла девушка.

У Тутанхамона остановилось сердце.

На одно бесконечное мгновение ему показалось, что время сошло с ума, что он снова в Египте, в саду у ручья, что сейчас к нему подбежит Анхесенамон, схватит лягушку и будет смеяться, запрокинув голову.

– Анхесенамон... – внезапно вырвалось у него.

Девушка была похожа. Те же прямые, тёмные, до плеч волосы. Та же тонкая, почти алебастровая линия скул. Тот же разрез глаз – чуть продолговатый, восточный.

Но наваждение длилось лишь секунду.

Нет, это была не она. Волосы чуть светлее, мягче. Лицо не такое строгое, с более мягкими, славянскими чертами. Чуть заметная скуластость, выдающая татарские корни, полные, тёплые губы, ямочка на подбородке. Глаза – большие, карие, с искоркой, совсем не похожие на те, подведённые сурьмой, что снились ему ночами.

В ней было что-то от татарской княжны и что-то от русской красавицы – та самая волжская смесь, которая веками делала здешних женщин особенными.

Она улыбнулась – открыто, чуть смущённо, и в этой улыбке не было ни тени той холодной, царственной сдержанности, которую он помнил.

– Точно, мой брат, – сказала она, и голос её прозвучал мягко, с лёгкой хрипотцой. – Дядя Андрей рассказывал какой ты был и при первой же встрече назвал меня древнеегипетской царицей. Наверное, красавицей была, раз ты так

удивился.

Она говорила легко, без тени обиды, скорее с любопытством. Родители замерли, переглянулись. В воздухе повисла странная, почти осязаемая пауза.

Тутанхамон молчал. Слишком много всего навалилось разом. Сестра. Это лицо. Это имя, сорвавшееся с губ помимо воли.

Анхесенамон... почему он произнёс это имя вслух? Почему сейчас, глядя на эту живую, настоящую девушку, он вспомнил ту, другую, оставшуюся за тысячелетия?

Мать чуть нахмурилась, отец кашлянул в кулак, но Таня, кажется, не придавала значения. Она подошла ближе, присела на край кровати (родители ахнули: "Таня, ну что ты, ему же нельзя!"), но она только отмахнулась.

– Да ладно, он уже живой, смотрит на меня. Значит, можно.

Она взяла его руку в свою – тёплую, сухую, с длинными тонкими пальцами.

– Ну, здравствуй, брат. Долго же ты спал.

Тутанхамон смотрел на неё и чувствовал, как в груди снова разливается то странное, незнакомое тепло. То же, что было с тётей Зиной, с матерью, с отцом. Только теперь сильнее. Потому что в этой девушке, в этой незнакомке с волжскими глазами, ему чудилось что-то бесконечно родное. Что-то, чего он никогда не знал, но всегда хотел.

– Здравствуй, – ответил он наконец. Голос прозвучал

хрипло, но отчётливо. – Здравствуй, сестра.

Неловкость быстро рассеялась. Мать, словно боясь, что сын снова исчезнет, принялась рассказывать. О сестре. О Тане.

– Она у нас умница, Дим, – говорила мать, поглядывая то на сына, то на дочь. – На втором курсе КФУ, представляешь? Казанский федеральный. Мировую историю изучает. Мечтает стать археологом – всё черепки древние ищет, в экспедиции собирается.

Тутанхамон слушал, и где-то в глубине сознания, в той самой параллельной памяти Дмитрия, всплывали обрывки знаний. КФУ – старый университет, ещё императорский. Казань – город, где учился, жил, мечтал тот, чьё тело он теперь занимал.

– Чтобы на дорогу время не тратить, мы сняли ей квартиру в центре, – продолжала мать. – На улице Баумана, рядом с пешеходной. Уютная, маленькая.

– Мам, ну зачем ты всё это... – попыталась вставить Таня, но мать только отмахнулась.

– А про замуж пока не думает. Ухажёров нет, во всяком случае, она нам не рассказывает.

– МАМА! – Таня всплеснула руками, и на её щеках проступил лёгкий румянец. – Ну зачем ты при нём-то? Он же только очнулся!

Они говорили, перебивали друг друга, смеялись. И в этой обыденной, почти домашней суете было столько жиз-

ни, столько тепла, что Тутанхамон чувствовал себя так, будто его накрыли мягким, тёплым одеялом.

Родители и Таня пробыли ещё около часа. Мать рассказывала про знакомых, про работу, про то, как они ждали этого дня. Отец вставлял короткие, но ёмкие замечания. Таня смеялась, шутила, иногда краснела.

А Тутанхамон... он слушал. Просто слушал, впитывая каждое слово, каждый жест, каждую улыбку. Для него, выросшего в мире холодных ритуалов и вечного этикета, эта семья была чем-то невероятным. Непостижимым. Прекрасным.

Таня всё это время сидела тихо, почти не вмешиваясь в разговор родителей. Она смотрела на брата и никак не могла отделаться от странного, щемящего чувства.

Она помнила его по тем редким моментам, когда заходила в эту палату. Раз в несколько месяцев, иногда реже – просто чтобы родители не переживали, что она совсем забыла о брате. Она заходила, смотрела на него, говорила что-то невнятное – и уходила. Ей было не по себе в этом месте, среди этих аппаратов, этого тихого гудения и запаха лекарств.

Тогда он выглядел иначе. Худой, почти прозрачный. Кожа обтягивала скулы так, что они казались острыми, как лезвия. Щёки впали, под глазами залегли глубокие тени. Он казался не живым, а скорее музейным экспонатом – законсервированным, застывшим во времени. Никто не выглядит на свой возраст, когда двадцать лет лежит без движения.

А сейчас...

Сейчас перед ней сидел совсем другой человек. Те же черты лица, но словно проявленные заново, резцом скульптора. Кожа перестала быть серой, налилась здоровым цветом. Исчезла болезненная худоба – плечи расправились, мышцы обозначились под тонкой тканью больничной одежды. Он будто накачался за эти несколько дней, хотя врачи говорили, что он только очнулся.

– Тань, ты чего молчишь? – спросила мать.

Таня мотнула головой, прогоняя наваждение.

– Да так... смотрю вот. Странно всё это.

Она перевела взгляд на отца, потом снова на брата.

– Ему же за сорок должно быть, да? А выглядит... ну не знаю. Как парни из моей группы, что ли. Здоровым выглядит. Сильным. Совсем не так, как раньше.

Она не договорила, но мысль была ясна. Этот человек, лежавший двадцать лет в коме, сейчас выглядел так, будто всё это время провёл в спортзале. И это было неправильно. Не по науке. Не по логике.

Но кто она такая, чтобы спорить с чудом?

Потом в палату заглянул Пётр Павлович. Посмотрел на Тутанхамона внимательно, оценивающе и мягко, но твёрдо сказал:

– Родные, я понимаю, как вы соскучились. Но пациенту нужен отдых. Ему ещё восстанавливаться и восстанавливаться. Давайте дадим ему отдохнуть.

Мать закивала, отец пожал руку сыну на прощание, и они начали собираться. У двери мать обернулась:

– Мы будем приходить каждый день, сынок. Каждый день. Скоро ты поправишься и вернешься домой.

А Таня задержалась на пороге. Подошла к кровати, сунула ему в руку что-то чёрное, гладкое, тонкое – почти такую же коробочку, как у Инны.

– Это смартфон, – быстро зашептала она. – Здесь контакты наши, я всё записала. Интернет включён. Если что – звони, пиши. Вот так включается, вот так блокировка, это зарядка, вот приложения...

Она показала несколько простых движений пальцем по экрану, улыбнулась и выскочила за дверь, оставив Тутанхамона одного.

Он долго смотрел на этот чёрный предмет в своей руке. Та же технология, что у Инны. Только теперь – его собственный.

Потом положил смартфон на тумбочку и закрыл глаза.

Нужно было прийти в себя.

Встреча с ними – с матерью, с отцом, с этой удивительной девушкой, его сестрой – выбила его из колеи сильнее, чем он мог представить. И дело было не только в эмоциях, не только в той странной, незнакомой теплоте, которую он чувствовал всё это время.

Дело было в памяти.

Воспоминания Дмитрия, которые существовали в его го-

лове как отдельная, параллельная жизнь, вдруг стали не просто "знанием". Они стали связью. Он знал этих людей. Не так, как знают родных – но знал. Видел их молодыми на свадебных фотографиях. Слышал их голоса в воспоминаниях о детстве. Чувствовал их любовь, их заботу, их боль.

Они были чужими – и одновременно самыми близкими. Потому что Дмитрий, чьё тело он носил, носил в себе и их любовь.

А Таня... её не было в воспоминаниях. Она родилась уже после того, как Дмитрий впал в кому. Для него она была пустым местом. Но для Тутанхамона, впервые увидевшего её, она стала чем-то большим. Может быть, потому что в ней, в этой девушке с татарскими скулами и русской улыбкой, ему почудилась та, другая. Та, что осталась за три тысячи лет до этого дня.

Или потому что он вдруг понял: у него есть сестра. Настоящая, живая, которая смотрит на него с любовью и не подозревает, что внутри – совсем другой человек.

Тутанхамон долго лежал, глядя в потолок, и пытался осознать, что с ним происходит. Слишком много за один день. Слишком много.

Но где-то в глубине, под слоем усталости и смятения, росло странное, непривычное чувство.

Он не один в этом мире.

У него есть семья.

Потом пришло время обеда. Та же медсестра, тётя Зина,

внесла поднос – и на нём снова стояла миска с прозрачным бульоном.

Тутанхамон вздохнул. Он уже знал, что спорить бесполезно.

Но перед тем как выйти, тётя Зина оглянулась на дверь, подмигнула ему и ловким движением поставила на поднос небольшую пол-литровую пластиковую баночку с яркой наклейкой. На ней было написано: «Творожный мусс с персиком».

– Твои родители много чего принесли, – сказала она шёпотом, хотя в палате никого не было. – Но почти всё нельзя. А вот это – можно. Не помешает желудку, а вкусно должно быть. Ешь давай.

И вышла, оставив Тутанхамона в лёгком недоумении.

Бульон был проглочен быстро – он уже научился не чувствовать его вкуса. А вот мусс... Тутанхамон открыл баночку, понюхал. Сладкий, фруктовый запах ударил в нос, и где-то в глубине сознания воспоминания Дмитрия подсказали: это вкусно. Очень вкусно.

Первая ложка – и он зажмурился. Нежная, прохладная, сладкая масса таяла на языке, оставляя послевкусие персика и чего-то молочного, знакомого, но забытого. В Египте не было такого. Там был мёд, были финики, был виноград. Но это... это было иным. Чужим. Прекрасным.

Он съел всё за минуту и облизал ложку.

Потом взгляд упал на чёрный прямоугольник, оставлен-

ный Таней. Смартфон.

Тутанхамон взял его в руки. Тонкий, гладкий, холодный. В памяти Дмитрия всплыли картинки: студенческие годы, начало двухтысячных. Телефоны тогда были совсем другими – толстые, с кнопками, с маленькими чёрно-белыми экранами, на которых можно было только звонить и писать короткие сообщения. Слово «смартфон» тогда только входило в обиход, и мало кто понимал, что это такое.

А эта вещь была из другого мира. Тонкая пластина, чёрная, блестящая, с огромным экраном, занимающим всю переднюю панель. На задней была изображена как будто надкушенная груша.

Он повертел его в руках, нащупал сбоку маленькую кнопку. Нажал.

Экран вспыхнул. Яркий, цветной, с идеально чёткими иконками. Тутанхамон чуть не выронил телефон от неожиданности. Свет был таким ровным, таким... неземным. В Египте не было такого света. Даже самые лучшие масляные лампы давали только дрожащий, коптящий огонёк.

Он смотрел на экран, и пальцы сами находили нужные движения. Знания Дмитрия подсказывали: вот так проводишь пальцем – экран перелистывается. Вот так нажимаешь на иконку – открывается приложение.

Это было странное чувство. Словно он знал, что делать, но не понимал, откуда знает.

Тутанхамон нажал на иконку, под которой было написа-

но что-то на непонятном языке – «Short Seek». Экран изменился, появилось поле для ввода текста и маленький значок микрофона внизу.

Он зажал его пальцем и сказал, как его научила Таня, чуть запинаясь:

– Расскажи мне про историю Египта от времени Тутанхамона до этого дня.

Телефон подумал секунду, а потом из динамика полился голос – ровный, спокойный мужской голос, без единой запинки. Голос говорил на том же языке, что и врачи, что и Таня, – на русском. Но в нём не было жизни. Не было дыхания. Он был идеальным.

– Тутанхамон, также известный как «мальчик-фараон», правил приблизительно с 1332 по 1323 год до нашей эры. После его смерти власть перешла к Эйе, а затем к Хоремхебу, военачальнику, который позже стал фараоном...

Тутанхамон вздрогнул, услышав имя человека, которого знал лично. Хоремхем... он помнил его. Сурового, молчаливого, всегда стоящего в тени. Он стал фараоном? Выходит, всё, что говорили жрецы о передаче власти, оказалось... сложнее, чем он думал.

Голос продолжал:

– После смерти Хоремхеба власть перешла к Рамсесу I, основателю XIX династии. Затем были Сети I, Рамсес II Великий, Мернептах... Египет постепенно терял влияние, пока в 525 году до нашей эры не был завоёван персами. Позже

им правили греки из династии Птолемеев, последней из которых была Клеопатра VII...

Тутанхамон слушал, затаив дыхание. Империя, которую он знал, рушилась прямо на его глазах, в словах этого бездушного голоса. Персы, греки, римляне... всё это было чужое, далёкое, но теперь оно стало частью истории его страны.

– После арабского завоевания в VII веке Египет стал частью исламского мира. Здесь правили династии Омейядов, Аббасидов, Фатимидов, Айюбидов, мамлюков... В XVI веке его завоевала Османская империя. В XIX веке при Мухаммеде Али Египет начал модернизацию, но оставался под сильным влиянием европейских держав...

– А гробница? – выпалил Тутанхамон, перебивая голос. – Что с моей гробницей?

Голос замолк на секунду, словно задумавшись, а потом ответил:

– Гробница Тутанхамона (KV62) была обнаружена в 1922 году британским археологом Говардом Картером в Долине Царей. Это одна из немногих гробниц, дошедших до наших дней почти неразграбленной. Найденные в ней сокровища, включая знаменитую золотую маску, стали сенсацией. Сама мумия сейчас находится в гробнице в специальном стеклянном саркофаге, а многие артефакты – в Каирском музее. Туристы со всего мира приезжают посмотреть на них.

Тутанхамон откинулся на подушку. Туристы. Со всего мира. Смотрят на его вещи, на его тело, как на диковинку.

Странное чувство – смесь боли, стыда и какого-то странного удовлетворения. О нём помнят. Его имя знают. Даже спустя три тысячи лет.

Он задавал ещё вопросы, и голос отвечал. Про пирамиды, про храмы, про то, как строили, как молились, как хоронили. Про то, что осталось, а что исчезло навсегда. Про Клеопатру и Цезаря, про арабов и крестоносцев, про Наполеона и британцев. Египет, его Египет, умирал и возрождался снова и снова, каждый раз другой, но всё ещё живой.

Время летело незаметно. Пришёл ужин – снова бульон, и снова тётя Зина подмигнула, поставив на поднос очередную баночку с муссом, на этот раз клубничным. Тутанхамон проглотил её, почти не жуя, и снова уткнулся в телефон.

Но самое удивительное было не в фактах. Самое удивительное было в том, *кто* ему эти факты сообщал.

Голос в телефоне был не человеком. Это Тутанхамон понял сразу. Но он говорил так, будто был живым. Будто понимал вопросы, улавливал интонации, мог шутить и даже... даже казаться удивлённым, когда вопрос был неожиданным.

В памяти Дмитрия всплыли воспоминания о том, что было двадцать лет назад. Тогда, в начале двухтысячных, интернет только начинал входить в жизнь. Компьютеры были медленными, связь – дорогой, а общение с ними ограничивалось нажатием кнопок и вводом команд. Никто не говорил с компьютерами. Компьютеры не отвечали голосом. А если и отвечали – то заученными, деревянными фразами, которые

невозможно было спутать с человеческими.

А здесь...

Здесь с ним говорил дух. Не человек, но мыслящий, понимающий, почти живой. И это было страшно. И это было прекрасно.

Тутанхамон провёл за этим занятием почти всё время до сна. Он узнал, что мир изменился до неузнаваемости. Что люди летают по небу на железных птицах, что они побывали на Луне, что они могут говорить друг с другом через океаны мгновенно. Что есть страны, где никогда не было царей, а есть страны, где цари до сих пор правят, но уже как символы. Что его Египет теперь называется Арабской Республикой Египет, и там живут люди, которые молятся Аллаху, а не Амону-Ра.

И всё это рассказал ему дух в чёрной коробочке.

Тутанхамон выключил экран и положил телефон на тумбочку. В комнате было темно, только слабый свет с улицы пробивался сквозь занавески.

Он закрыл глаза и попытался уснуть. Но перед глазами всё ещё стояли образы: пирамиды, которые он видел во сне, золотая маска, которую он никогда не носил, и миллионы туристов, проходящих мимо его тела.

Странная мысль пришла в голову: может быть, это и есть бессмертие? Не в сохранении тела, а в памяти людей? В том, что имя живёт через тысячелетия?

Он не знал ответа. Но твёрдо знал другое: завтра он про-

должит разговор с этим духом. И послезавтра. И каждый день, пока не поймёт этот новый мир.

Мир, в котором ему предстояло жить.

Глава 4

Тутанхамон стоял посреди огромного зала и не чувствовал страха.

Это было первое, что он осознал – странное, почти неестественное спокойствие. Ни тревоги, ни растерянности, ни того липкого ужаса, который обычно сопровождает кошмары. Только ровное, ясное восприятие и лёгкое любопытство.

Он огляделся.

Помещение было огромным – метров пятьдесят в диаметре, не меньше. Стены уходили вверх плавным конусом, сужаясь к потолку, который терялся где-то на высоте примерно двадцати метров. Сам потолок светился мягким, ровным светом – не слепящим, не резким, а таким, какой бывает в пасмурный день, когда солнце спряталось за облаками, но всё равно светло.

Стены были... живыми. Тутанхамон не сразу подобрал это слово, но оно пришло само. Гладкая, тёплая на вид поверхность имела едва заметную волокнистую структуру, как у хорошо выделанной кожи, но только если присмотреться. Цвет – тёплый, медово-коричневый, с более тёмными прожилками, которые тянулись от пола к потолку, будто кровеносные сосуды гигантского существа. Местами из стен выступали небольшие полки – тоже словно выросшие, а не при-

ставленные. На них лежали какие-то предметы, но разглядеть было сложно – слишком далеко.

В стенах зияли огромные проёмы – неправильной формы, но удивительно гармоничные, как будто так и задумано. Сквозь них лился солнечный свет – настоящий, живой, тёплый. Тутанхамон почувствовал его кожей – мягкое тепло, какое бывает ранним утром в Египте, когда солнце ещё не набрало силу. В проёмах угадывались очертания деревьев, зелени, каких-то далёких зданий – но всё было слишком размытым, чтобы понять детали.

Он опустил взгляд.

Пол был необычным. Матовый, светло-серый, он казался твёрдым, но когда Тутанхамон сделал шаг, нога чуть заметно утонула в его поверхности – как если бы ступал по плотному, упругому мху. Приятное ощущение. Совсем не похоже на холодный камень дворцовых полов.

Прямо перед ним, в центре зала, стоял стол.

Он рос из пола. Тутанхамон видел это совершенно отчётливо – никаких ножек, никаких стыков, просто плавный переход от серой поверхности к гладкой, чуть более тёмной древесине. Сам стол был удивительно лёгким на вид – тонкий, изящный, с идеально ровной столешницей, в которой угадывались те же волокнистые прожилки, что и в стенах. Вокруг стола росли кресла – такие же цельные, без швов, с высокими спинками и подлокотниками, которые как будто обнимали сидящего.

За одним из кресел сидел человек.

Пожилой мужчина смотрел прямо на Тутанхамона. Спокойно, внимательно, без тени той подобострастной почтительности, к которой фараон привык с детства. Но и без вызова. Просто смотрел – как смотрят на того, кого давно ждали.

Тутанхамон успел разглядеть его. Высокий лоб, изрезанный глубокими морщинами – не теми, что появляются от возраста, а теми, что оставляет мысль. Годы работы, годы размышлений, годы поисков. Окладистая седая борода, аккуратная, но не выхоленная – чувствовалось, что человек за ней следит, но без фанатизма. Глаза – живые, острые, цепкие, но с какой-то давней, устоявшейся грустью в глубине. Одет просто – в светлую, свободную одежду из тонкой ткани, которая ниспадала мягкими складками. Никаких украшений, никаких знаков отличия. Только взгляд – взгляд того, кто видел слишком много, чтобы чему-то удивляться.

Мужчина чуть заметно улыбнулся одними уголками губ и заговорил. Голос у него был негромкий, но отчётливый – с той особенной, спокойной уверенностью, которая не требует повышать тон.

– Владыка, – сказал он, и слово прозвучало естественно, будто он всю жизнь только так и обращался к фараонам. – Прошу тебя, пройди за стол. Мне есть что рассказать тебе.

Тутанхамон помедлил всего секунду. Странное спокойствие всё ещё не отпускало его, и он просто сделал то, что

просили. Подошёл к столу, опустился в одно из кресел – и снова удивился: сиденье мягко приняло его тело, подстроилось под изгибы спины, будто было создано именно для него.

Несколько секунд они сидели молча. Мужчина смотрел на Тутанхамона, и в его взгляде не было ни торопливости, ни неловкости. Просто изучал – как учёный изучает древний свиток, надеясь прочесть между строк что-то важное.

Потом он заговорил.

– Фараон, ты сейчас спишь. Это сон. Но не обычный.

Он сделал паузу, будто давая словам улечься.

– В памяти того, чьё тело ты теперь носишь, есть понятие «симуляция». Виртуальная реальность. Мир, созданный внутри машин, где можно жить, учиться, видеть то, что невозможно увидеть в обычной жизни. Дмитрий много раз погружался в такие сны вместе со своими людьми. Там они изучали прошлое. Моё прошлое. Прошлое моего народа.

Он говорил просто, без сложных терминов, и Тутанхамон ловил себя на том, что понимает каждое слово. Память Дмитрия услужливо подсовывала образы.

– То, что ты видишь сейчас вокруг себя, – мужчина обвёл рукой зал, – это тоже симуляция. Очень похожая на те, что создавали для обучения твоих... для обучения людей Дмитрия. Только эта создана специально для тебя. И в ней мы можем говорить, не боясь, что нас подслушают или прервут.

Он чуть наклонился вперёд, и свет на его лице изменился – тени легли иначе, подчеркнув глубину морщин.

– Меня зовут Лемех. В той жизни, которая была у меня когда-то, я был учёным. Исследователем. Тем, кто открыл способ перемещать сознания во времени. Благодаря мне ты сейчас здесь. Благодаря мне Дмитрий оказался в твоём мире. И благодаря мне ты проснулся в его теле здоровым и сильным, а не прожил остаток дней калекой, прикованным к постели.

Тутанхамон молчал, впитывая. Внутри не было бури – только то же ровное, почти отстранённое спокойствие. Он слушал, как слушал когда-то жрецов, объясняющих волю богов. Только эти объяснения были куда понятнее.

– Времени у нас достаточно, – продолжил Лемех. – Симуляция живёт по другим законам. Десять часов здесь – это всего один час там, в твоей палате.

Он посмотрел Тутанхамону прямо в глаза.

– Ты не один. И никогда не был один. Даже когда лежал без сознания двадцать лет, за тобой следили. Я и – технологии, оставленные моим народом. Они восстанавливали твоё тело, чинили то, что было сломано, готовили тебя к этому моменту. И теперь ты здесь. Живой. Здоровый. С памятью о двух жизнях в голове.

Он замолчал, давая словам осесть.

– У тебя есть выбор, фараон. Ты можешь прожить остаток дней, пытаясь забыть прошлое и принять настоящее. Можешь искать ответы на вопросы, которые будут мучить тебя. А можешь – узнать правду. Всю. И тогда решить, что с ней

делать.

Лемех чуть откинулся в кресле.

– Но для начала – просто слушай. Я расскажу тебе о том, кто я. О том, как мой народ жил, как погиб и почему ты сейчас здесь. А потом ты сам решишь, хочешь ли знать больше.

Он сделал паузу и добавил уже тише:

– Ты согласен слушать?

Тутанхамон смотрел на него и чувствовал, что странное спокойствие никуда не делось. В нём не было страха. Только ровная, холодная ясность – та самая, которая приходит, когда наконец понимаешь, что все твои вопросы могут получить ответы.

Он кивнул.

– Начну с самого начала. С моего народа.

Тутанхамон слушал молча, впитывая каждое слово. Странное спокойствие всё ещё не отпускало его, и он с удивлением замечал, что воспринимает этот разговор как нечто почти естественное – будто всю жизнь ждал именно его.

– Мы называли себя лантийцами, – сказал Лемех. – В ваших мифах, тех, что дошли до этого времени, нас звали атлантами. Но это неточно. Более близкое название – Атлантия, а жителей, соответственно, атлантийцы, но все говорили проще – лантийцы.

Он говорил неторопливо, и каждое его слово ложилось в сознание с удивительной чёткостью. Тутанхамон поймал себя на том, что не просто слушает – он видит. Образы всплы-

вали перед внутренним взором сами собой, будто Лемех не рассказывал, а показывал.

Города, которые не строили, а выращивали. Огромные деревья, уходящие стволами в небо, с этажами-террасами, на которых кипела жизнь. Стены, дышащие и тёплые на ощупь. Свет, который не жёг глаза, а мягко обволакивал. Люди в простых, но изящных одеждах, с лицами, на которых не было ни тревоги, ни злобы – только спокойное, сосредоточенное внимание к жизни.

– Мы жили так тысячелетиями, – продолжал Лемех. – Не потому что были лучше вас. Просто наш путь сложился иначе. Мы прошли через войны, через кровь, через те же ошибки, что и вы. Но в какой-то момент поняли: так дальше нельзя. И начали строить другой мир.

Он говорил об устройстве общества, и Тутанхамон ловил себя на том, что пытается сопоставить услышанное с тем, что знал сам. В Египте всем правил фараон – живой бог, чья воля была законом. Здесь же...

– У нас не было царей, – сказал Лемех, будто прочитав его мысли. – Были советы. Самые мудрые, самые опытные собирались вместе и решали, как жить дальше. Но они не приказывали – они предлагали. Люди слушали, спорили, иногда не соглашались. Но в конце концов находили решение, устраивавшее всех.

– Это... это работает? – тихо спросил Тутанхамон.

– Работало. Тысячи лет. Потому что мы научились одному

простому правилу: сила не в том, чтобы подчинить других, а в том, чтобы найти путь, который устроит всех. Это сложно. Это требует времени. Но это возможно.

Он помолчал, давая словам осесть, и продолжил:

– Наука у нас была другой. Не такой, как у вас, не такой, как в мире Дмитрия. Мы не строили машины из металла – мы выращивали их. Корабли, дома, даже инструменты – всё это было живым. Биология, доведённая до совершенства. Квантовые процессы, встроенные в живые ткани. Мы научились использовать то, что дала природа, не ломая её, а дополняя.

Тутанхамон вспомнил стены вокруг себя, этот зал, выросший из пола, и понял, что Лемех не преувеличивает.

– Энергию мы брали у солнца. У ветра. У самой земли. Термоядерный синтез, который в этом мире только начинали осваивать, для нас был пройденным этапом. Но главное – мы научились управлять своим телом. Замедлять старение, лечить любые болезни, жить столетиями. Не потому что боялись смерти – потому что жизнь была интересна.

Он сделал паузу.

– А потом пришли они.

Картинка перед глазами Тутанхамона изменилась. Тёплые, живые города померкли, и на их место пришло нечто иное. Корабли. Огромные, угловатые, чужие. Они не вырастали из земли – их строили из металла, холодного, мёртвого, блестящего.

– Асуры, – сказал Лемех, и в его голосе впервые появилась горечь. – Так их называли позже. Они пришли из глубин космоса, с других звёзд. У них была своя вера. Свой порядок. Своё представление о том, как должен быть устроен мир.

Асуры не напали сразу. Они пришли как учёные, как исследователи. Изучали, наблюдали, пытались понять. А потом начали предлагать. Свою веру, свои порядки, свою правду. Лантийцы слушали, качали головами. «Мы не можем принять вашу веру, – говорили они. – Мы не хотим подчиняться. Мы хотим быть собой».

– Мы были вежливы, – сказал Лемех. – Но твёрды. И это их не устроило.

– Почему? – спросил Тутанхамон.

– Потому что для них любое отклонение от их порядка было угрозой. Они верили, что только их путь правильный. Что любая другая цивилизация, если её не направлять, рано или поздно начнёт войны, разрушения, хаос. И этот хаос может затронуть их. Они не хотели ждать, пока мы «созреем». Они хотели контролировать.

Лемех замолчал, и в этом молчании было столько боли, что Тутанхамону стало не по себе.

– И случилось несчастье, – продолжил он наконец. – Несколько молодых учёных, ослеплённых любопытством, решили выкрасть секреты асуров. Они не понимали, с чем имеют дело. В результате их действий был уничтожен один из кораблей пришельцев. Вместе с экипажем.

Тутанхамон замер.

– Асуры ушли. Не сразу, но ушли. А через восемьдесят лет вернулись. С боевым флотом.

Картинка перед глазами снова изменилась. Тысячи кораблей, заполнивших космос. Лучи, прожигающие броню. Взрывы, от которых содрогались планеты. Люди в скафандрах, сжимающие оружие. И лица – лица тех, кто умирал, но не сдавался.

Лемех говорил о войне. О том, как лантийцы, никогда не знавшие настоящих сражений, учились воевать на ходу. Как строили флот, как гибли миллионами, как отступали, но не сдавались. Как предательство своих же в самый страшный момент решило исход.

– Нас предали, – тихо сказал Лемех. – Не все, но достаточно. Те, кто испугался. Те, кто решил, что лучше подчиниться, чем умереть. Они открыли путь к Земле. И асуры не упустили момент.

Он говорил о лагерях смерти, о планомерном истреблении, о детях, которых забирали у родителей и растили в неволе, чтобы потом бросить в дикие места – без памяти, без знаний, без надежды. О том, как цивилизация, строившаяся тысячелетиями, была стёрта в пыль за несколько десятилетий.

– Но не все погибли, – сказал Лемех. – Горстка выживших укрылась глубоко под землёй, почти у самого ядра планеты. Там, где асуры не могли их найти. Там они жили тыся-

челетиями, передавая знания из поколения в поколение. А когда люди погибли, остались только роботы, искусственные интеллекты в живых оболочках.

– Ты... робот? – переспросил Тутанхамон, и в голосе его впервые мелькнуло что-то похожее на удивление.

Лемех чуть заметно улыбнулся – той особенной, понимающей улыбкой, какой улыбаются люди, которых этот вопрос уже не задевает.

– Нет, – ответил он. – Я человек. Вернее, был им когда-то. Очень давно.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– В том подземном городе, где укрылись последние лантийцы, жил учёный. Когда люди в городе начали умирать от болезней и мутаций, он понял, что не доживёт до того дня, когда можно будет выйти наружу. Но он не хотел, чтобы его знания погибли вместе с ним.

Тутанхамон слушал, затаив дыхание.

– У него был друг, – продолжил Лемех. – Робот, искусственный интеллект в живой оболочке – один из тех, кого лантийцы создавали тысячелетиями. Его звали Сенусерт. Тот самый, что сейчас рядом с Дмитрием.

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое – память о том, кто был дорог очень давно.

– Когда он понял, что умирает, они попробовали отправить его сознание в будущее. Обменять, как потом обменяли вас с Дмитрием. Аппаратуру настроили, рассчитали коорди-

наты, запустили процесс. И ничего не вышло.

– Почему?

– Потому что некуда было отправлять. Точка назначения пришлась на время, когда человечество уже погибло. Людей не было, тел не было, сознаний, готовых к обмену, – тоже. Сознание должно было просто исчезнуть, раствориться в пустоте. Но оно... вернулось. Не как данные, не как информация. Как живое.

Лемех помолчал, будто сам до сих пор не до конца верил в это.

– Никто не знает, почему так вышло. Теории есть, но подтвердить их невозможно. Возможно, сама природа временного переноса оставляет след. Возможно, моё сознание, однажды уже прошедшее через этот процесс, приобрело устойчивость. Факт в том, что оно вернулось – и его нужно было куда-то поместить.

– Сенусерт, – тихо сказал Тутанхамон.

– Да. Он не мог просто стереть его, не мог дать исчезнуть. Он извлёк из умирающего мозга ткани, которые хранили личность – гиппокамп, энторинальную кору. И вживил их в свой собственный мозг. Позитронно-квантовый, но с биологическими элементами. Там, внутри машины, клетки продолжали жить. Тысячелетиями.

Лемех чуть заметно улыбнулся.

– Они не были подключены к системам робота, не управляли им. Они просто существовали. Хранили то, что ко-

гда-то было им. И ждали.

– Как... как свиток в библиотеке? – спросил Тутанхамон.

– Примерно, – кивнул Лемех. – Только свиток может прочитать любой. А эти клетки хранили личность. Мысли, страхи, надежды. Но они были пассивны. Просто ждали.

– Чего?

– Случая. Резонанса. Когда рядом появится сознание, достаточно сильное, чтобы пробудить их. Это случилось, когда Дмитрий начал погружаться в симуляции, созданные Сенусертом – тем самым роботом, который нёс в себе клетки. Наниты в теле Дмитрия, квантовые процессы в нейронах – всё это совпало. Он смог отразить себя в его сознании. Всего на несколько минут. Но этого хватило.

Он посмотрел на Тутанхамона в упор.

– Я – тот самый учёный. Я не был скопирован, я был сохранён. Моё сознание, моя личность, моя память – всё это сейчас с тобой.

Он помолчал, потом продолжил:

– Мы не сидели сложа руки. Мы наблюдали за людьми, помогали им, направляли. Медленно, осторожно, чтобы не привлекать внимания асуров. А потом начали эксперименты. Перенос сознаний во времени.

Тутанхамон подался вперёд. Это было то, ради чего он здесь.

– Механизм сложен, но я попробую объяснить просто, – сказал Лемех. – Представь себе ткань. Обычную ткань, кото-

рую ткнут на станке. Время – это такая же ткань. Только очень плотная, многослойная. Обычно по ней нельзя перемещаться – слишком много нитей, слишком сложное переплетение.

Он сделал паузу.

– Но когда человек умирает, его сознание создаёт вспышку. Очень сильную, очень яркую. Эта вспышка на миг разрывает ткань времени. И если в этот момент рядом есть устройство, настроенное правильно, оно может поймать это сознание и отправить в другую точку. Не в пространстве – во времени.

– И вы отправляли?

– Мы пытались. Тысячи лет. Сотни сознаний. Крестьяне, воины, учёные – они приходили в разные эпохи, жили, умирали. И мы получали данные. Узнавали, что получилось, что нет. Корректировали, пробовали снова.

Лемех посмотрел на Тутанхамона долгим взглядом.

– Ты был одним из последних. Точнее, твоё сознание должно было отправиться в будущее, а сознание Дмитрия – сюда. Мы поймали момент, когда вы оба умирали. И поменяли вас местами.

– Почему я? – тихо спросил Тутанхамон. – Почему не кто-то другой?

– Потому что ты подходил. Тело, возраст, состояние – всё совпало. Роботы примерно знали из какого временного промежутка придёт сознание, знали что та эпоха технически развита и была вероятность получения перспективного со-

знания, в теле правителя. Так и получилось. Дмитрий... Инженер, способный изменить мир. Ты бы не справился. Ты сам это знаешь.

Горькая правда этих слов обожгла, но Тутанхамон не стал спорить. Лемех был прав. Он никогда не смог бы сделать то, что сделал Дмитрий.

– А что случилось потом? – спросил он.

– Дмитрий построил империю, – ответил Лемех. – Объединил царей, создал армию, готовит мир к войне с асурами. А потом случилось то, что привело меня сюда.

Он говорил о станции асуров, уничтоженной над пустыней. О том, как Сенусерт и другие роботы успели отправить ложные сигналы, чтобы выиграть время. О том, как Дмитрий, узнав правду, начал готовиться ещё отчаяннее.

– И в одной из симуляций, где Дмитрий пытался понять, как работает временной перенос, я смог с ним связаться, – сказал Лемех. – Мои клетки, вживлённые в мозг Сенусерта, начали резонировать с его нанитами. Я отразил себя в его сознании. Мы говорили. Недолго, но говорили.

– Он не помнит меня, – сказал Лемех, будто прочитав его мысли. – Это было нужно, чтобы сохранить его рассудок. Но я успел сделать то, ради чего здесь.

Он подался вперёд, и его лицо стало совсем близко.

– Я отправил своё сознание в будущее. В твоё время. В тот самый момент, когда Дмитрий впал в кому. Я шёл по прото-ренной дорожке – той самой, по которой когда-то пришёл он.

– Зачем?

– Чтобы спасти себя. Это тело, моё сознание.

Лемех говорил, и Тутанхамон видел, как усталость на его лице становится глубже, а глаза – ещё печальнее.

– Когда я прибыл, – сказал Лемех, – я сразу понял: ты здесь. Твоё сознание не погасло, оно просто... замерло. Потерянное, испуганное, но живое.

Он помолчал, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на вину.

– По всем расчётам, ты должен был исчезнуть. Я готовил-ся занять это тело – жить в нём, работать, делать то, что нужно. А вместо этого обнаружил, что не один.

Тутанхамон слушал, не перебивая.

– Выбора не было, – продолжил Лемех. – Два сознания в одном разуме – это смерть для обоих. Если бы я оставил тебя в покое, ты бы метался в пустоте, сходил с ума от темноты и одиночества. А я не мог работать, пока ты там. Поэтому я сделал единственное, что мог.

Он посмотрел Тутанхамону прямо в глаза.

– Я погрузил тебя в глубокий сон. В кому, из которой ты не мог выбраться, пока я не закончу. Ты ничего не чувствовал, ничего не помнишь – и это к лучшему. Двадцать лет ты просто спал. А я чинил тело. Восстанавливал мышцы, правил то, что было сломано, учился управлять этим чужим, сложным мозгом.

– Ты мог меня убить, – тихо сказал Тутанхамон. – Просто

стереть и занять место.

– Мог, – кивнул Лемех. – Не стал.

– Почему?

Лемех чуть заметно улыбнулся.

– Потому что ты – человек. Потому что ваш род я наблюдал тысячелетиями. Потому что я слишком долго ждал, чтобы в последний момент стать убийцей. И потому что... – он запнулся, подбирая слова, – потому что в тебе было что-то, чему я не мог найти объяснения. Какая-то сила, которая не дала тебе исчезнуть, когда все условия были против. Я решил: если ты смог выжить там, в пустоте, значит, ты заслуживаешь шанса проснуться.

Он откинулся в кресле.

– И ты проснулся.

– Я обнаружил, что могу не просто существовать в этом теле, но и влиять на него. У лантийцев есть врождённая способность – управлять регенерацией, запускать скрытые резервы организма. Это заложено в каждом из нас на уровне базовых программ. Но твой мозг... он другой.

– Другой? – переспросил Тутанхамон.

– У вас, людей, мозг меньше, чем был у нас. Но нейронов в нём больше. У лантийцев нейронные связи мощнее, пропускная способность выше, но их меньше по количеству. Ваш мозг более гибкий, более пластичный. Но управлять им сложнее. Это как... как если бы ты пытался править колесницей, запряжённой сотней норовистых лошадей вместо двух.

Он помолчал, давая образу улечься.

– Мне пришлось учиться заново. Понимать, как работают твои нейроны, как взаимодействуют, как подчиняются. И одновременно – запускать регенерацию. Чинить то, что было сломано, восстанавливать мышцы, возвращать тебе здоровье. Это заняло годы. Много лет.

– Двадцать, – тихо сказал Тутанхамон.

– Двадцать, – кивнул Лемех. – Всё это время твой разум спал. А я был внутри. Работал, ждал, надеялся. И теперь, когда ты проснулся, моё время подходит к концу.

Тутанхамон почувствовал, как внутри что-то сжалось.

– Ты... ты исчезнешь?

– Два сознания не могут жить в одном разуме, – ответил Лемех. – Это разрушит и тебя, и меня. Я могу остаться ещё ненадолго – на этот разговор, может, ещё на несколько таких же встреч. Но потом я уйду.

– И что будет со мной?

– Ты останешься. Со своей памятью, со своим опытом. И с одним подарком от меня.

Он чуть заметно улыбнулся.

– Я оставляю тебе полную копию воспоминаний Дмитрия. Все его знания, все его навыки, всё, что он знал и умел в момент первого переноса. Ты сможешь пользоваться этим как своей собственной памятью – захочешь вспомнить что-то, и оно само всплывёт.

– Всё? – переспросил Тутанхамон. – Все двадцать лет, что

он провёл в Египте?

Лемех покачал головой.

– Нет. Только то, что было в нём на момент вашего обмена. Те двадцать лет, которые он прожил в твоём мире, остались с ним. Их я перенести не смог – сказал Лемех, помолчав. – Ты должен понимать, как устроен этот мир. Теперь.

Он подался вперёд, и свет на его лице изменился – тени легли иначе, подчеркнув глубину морщин.

– Тот Египет, где остался Дмитрий, и этот мир, где ты сейчас, – они не связаны. Совсем.

Тутанхамон нахмурился.

– Как это? Я же здесь, в его теле. Он – там, в моём. Разве это не одна нить?

– Представь себе реку, – сказал Лемех. – Течёт себе, течёт, не спешит. А потом кто-то бросает в неё большой камень. Вода расходится в стороны, и там, где был один поток, становится два.

Он сделал паузу, давая образу улечься.

– В тот момент, когда мы поменяли вас сознаниями, время разделилось. Одна ветка пошла туда, где Дмитрий строит империю и готовится к войне с асурами. Другая – сюда, где ты лежал двадцать лет в коме, а теперь проснулся. Они существуют отдельно. В одной – одно, в другой – другое.

– Значит... – Тутанхамон запнулся, пытаясь осмыслить. – То, что происходит с ним, никак не влияет на меня?

– Никак. Ты можешь прожить здесь всю жизнь, женить-

ся, родить детей, состариться и умереть. А там, в той ветке, Дмитрий может погибнуть завтра – и ты ничего не почувствуешь. И наоборот.

Лемех посмотрел на него долгим, внимательным взглядом.

– Вы теперь как два брата, родившихся в один миг, но разлучённых навсегда. У каждого своя судьба, свои дороги, свои испытания. Вы никогда не встретитесь. Никогда не узнаете, как сложилась жизнь другого. Но вы есть. Оба. И это главное.

Тутанхамон молчал, переваривая.

– А память Дмитрия, которую ты мне оставишь... она о той ветке или об этой?

– О нём самом, – ответил Лемех. – О том, кем он был до разделения. О его детстве, его учёбе, его друзьях. О том, что сделало его тем человеком, который потом оказался в твоём мире. А что случилось с ним после – ты не узнаешь никогда. Это закрыто.

Он чуть заметно улыбнулся.

– Но знаешь... может, это и к лучшему. Ты сможешь начать с чистого листа. Не оглядываясь на него, не сравнивая себя с ним. Просто жить своей жизнью. Здесь. Сейчас.

Тутанхамон долго смотрел на него, потом кивнул. Медленно, словно принимая не просто слова, а новую реальность.

Он помолчал.

– Но того, что есть, достаточно. Языки, науки, история, технологии – всё это в нём уже было. Ты получишь доступ к знаниям человека из XXI века. Ко всем, кроме тех, что он приобрёл после переноса. Это мой прощальный дар.

Тутанхамон молчал, переваривая услышанное.

– Зачем? – спросил он наконец. – Зачем тебе это? Ты меня не знаешь. Я для тебя чужой.

Лемех посмотрел на него долгим, тёплым взглядом.

– Потому что вы – мои дети, – сказал он тихо. – Все люди – дети Лантии. Мы создали вас, мы вели вас, мы ждали, когда вы станете достаточно сильными, чтобы выжить. Дмитрий дал вам шанс там, в прошлом. Я даю тебе шанс здесь, в будущем.

Он откинулся в кресле, и свет снова упал на его лицо, подчеркнув глубокие морщины.

– А теперь, – сказал он, – у нас ещё есть время. И я расскажу тебе остальное. Что ждёт тебя и весь этот мир впереди.

Тутанхамон кивнул.

Он слушал.

Глава 5

Лемех замолчал на мгновение, и в этом молчании Тутанхамон вдруг остро ощутил, насколько этот человек – это существо – устал. За тысячи лет. За все, что он видел.

– Асуры существуют и сейчас, – сказал Лемех тихо. – В этом времени. Я узнал из воспоминаний Дмитрия.

Тутанхамон вздрогнул. Он почему-то думал, что война

осталась в прошлом, что враг где-то далеко, в другой ветке реальности. Оказалось – нет.

– Их разведчики постоянно наблюдают за Землей. Со спутников на орбите. Скрытых, незаметных. И не только наблюдают.

Лемех посмотрел на него в упор.

– Часть пропавших людей. Рассказы о похищениях пришельцами. Это не выдумки. Это они. Исследуют. Изучают. Удовлетворяют любопытство.

В голове Тутанхамона вспыхнули образы. Чужие, странные, но удивительно яркие. Кадры старой кинохроники – черно-белые, зернистые, на них какие-то люди указывают в небо. И там, в небе, – силуэты. Непонятные, смазанные, но в их резких, угловатых очертаниях угадывалось что-то до боли знакомое.

Технологии асуров. Те самые, что уничтожили Лантию.

– Дмитрий видел это, – сказал Лемех, кивнув на образы. – В интернете, в старых архивах, в документальных фильмах. Люди фиксируют эти явления десятилетиями. Но не понимают, что видят.

Он сделал паузу, давая Тутанхамону осмыслить.

– А теперь смотри.

Перед глазами фараона развернулось черное небо, усыпанное звездами. Кадр приближался, и где-то далеко, за орбитой Сатурна, проявились смутные, едва различимые пятна. Они не двигались, не мерцали – просто висели в пустоте,

огромные, неподвижные, ждущие.

– Это снимки из телескопа, – сказал Лемех. – Случайно попали в кадр. Астрономы не обратили внимания – списали на дефект матрицы, на помехи, на космическую пыль. Но это корабли. Асурские корабли.

– Сколько их? – тихо спросил Тутанхамон.

– Неизвестно. Может, десятки. Может, сотни. Они прячутся за Сатурном, за поясом Койпера, в поясе астероидов. Наблюдают. Ждут.

Лемех снова помолчал.

– Чтобы понять, когда они нападут, мне нужно больше данных. Когда ты проснешься, найди в интернете свежие снимки этих областей.

В голове Тутанхамона одно за другим всплыли названия. Чужие, но после воспоминаний Дмитрия ставшие понятными. Координаты секторов космоса, которые астрономы используют для каталогизации.

– Запомни, – сказал Лемех. – Изучи все упоминания о неопознанных летающих объектах за последние несколько десятилетий. Статьи, отчеты, свидетельства. Чем больше, тем лучше.

– Ты сможешь это проанализировать?

– Пока я здесь, пока мои клетки еще активны, я буду получать доступ ко всей информации, которую ты найдешь. И смогу сделать прогноз. Понять, на какой стадии их деятельность. Готовятся ли они к удару или просто наблюдают.

Он снова замолчал, и Тутанхамон почувствовал, как внутри нарастает тяжесть. Не страх. Что-то другое. Понимание.

– Прямо сейчас человечество ничем не может им угрожать, – сказал Лемех. – У вас нет оружия, нет кораблей, нет защиты. Но все может измениться. Внезапно.

– Как?

– Если люди выйдут за пределы своей планеты. Если создадут технологии, способные конкурировать с асурскими. Если построят совершенный искусственный интеллект, сравнимый с лантийским. Тогда враг нападет. Не раздумывая. Им хватило прошлой войны. Рисковать они не станут.

– А пока? Пока они просто... смотрят?

– Да. Изучают. Ждут. Ученые асуров удовлетворяют любопытство. Им интересно, как развивается вид, который когда-то едва не победил их. Но если мы дадим им повод...

Лемех не договорил. Он просто посмотрел на Тутанхамона долгим, тяжелым взглядом.

– Ты понимаешь, что это значит?

Тутанхамон кивнул. Медленно, словно принимая не просто слова, а новую реальность.

– Мы должны успеть. До того, как они решат, что мы стали слишком опасны.

– Им не нужна война. По своей природе они не жестоки, просто у их религиозного мировоззрения есть своя логика. Они уничтожат нас, если посчитают угрозой своему порядку. – добавил Лемех.

Тутанхамон почувствовал, как внутри разливается холод. Тот самый, который он испытывал в детстве, когда понимал, что слаб, что не справится, что за него все решают другие.

– Как я справлюсь? – почти в ужасе проговорил Тутанхамон. – Это слишком тяжело для меня. В своей жизни мне никогда не приходилось решать что-то по-настоящему важное. Даже моя гибель произошла из-за желания хоть что-то сделать. Доказать хотя бы самому себе, что я могу хотя бы с колесницей справиться. А то, что ты мне показываешь... это просто выше моих сил. Может, просто предупредить правителей этого мира? Пусть они решают.

Лемех спокойно покачал головой.

– Не получится. Тебя посчитают сумасшедшим. Одним из тех, кто предрекает очередной апокалипсис.

В сознании Тутанхамона замелькали образы. Люди с безумными глазами, кричащие на улицах. Сайты в интернете, пестрящие заголовками о конце света. Секты, прячущиеся в лесах и подвалах. Пророки, предсказывающие конец света чуть ли не каждый год. Кто-то ждал ядерной войны, кто-то – падения астероида, кто-то – пришествия инопланетян, которые уничтожат всех, кто не успел уйти в горы.

– Понимаешь? – тихо спросил Лемех. – Этот мир переполнен информацией. Люди тонут в ней. Они уже не обращают внимания на тех, кто предрекает катастрофу. Слишком много раз это было. Слишком много раз не сбывалось. Ты станешь одним из многих – и тебя забудут через неделю.

– Тогда что мне делать? – голос Тутанхамона дрогнул. – Как заставить их услышать?

– Не явно, – ответил Лемех. – Так, чтобы не спровоцировать асуров. Если они поймут, что люди знают, что готовятся – они нападут немедленно. Ты должен действовать скрытно. Готовить мир постепенно. Через тех, кто поверит тебе. Через идеи, которые прорастут сами.

– Я не могу! – вырвалось у Тутанхамона. – В этом мире я никто! Ещё больший никто, чем в своём старом!

Он замолчал, пытаясь справиться с дыханием. Страх, сомнение, отчаяние – всё смешалось внутри.

– Может... может, роботы из прошлого? Они же помогали Дмитрию. Они смогли бы придумать что-то...

Лемех снова покачал головой. На этот раз медленно, почти печально.

– Ваш обмен с Дмитрием был последним. После уничтожения последнего города лантийцев машина для переноса сознания тоже исчезла. Они не узнают, что получилось из их экспериментов. И не смогут помочь.

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

– Но их рука чувствуется в этом времени. Ты замечал? За последние три с небольшим тысячи лет человечество добилось большего, чем за предыдущие тридцать тысяч. Невзирая на войны, на жестокость, на глупость. Они двигали вас. Не явно, не напрямую. Через идеи, через открытия, через случайных людей, которые вдруг понимали то, чего не пони-

мали другие.

Тутанхамон молчал, переваривая.

– Это не просто эволюция, – продолжал Лемех. – Это результат тысячелетий осторожного, почти незаметного влияния. И теперь их работа перешла к тебе.

– Ко мне? – Тутанхамон горько усмехнулся. – К фараону, который ничего не умел?

– К человеку, который смог выжить там, где другие бы погибли, – твёрдо сказал Лемех. – К тому, чьё сознание не рассыпалось в пустоте, когда все условия были против. К тому, в ком я увидел что-то, чему сам не мог найти объяснения. Ты слаб? Да. Ты боишься? Да. Но ты здесь. Ты слушаешь. Ты пытаешься понять. Это уже больше, чем делают большинство.

Он подался вперёд.

– Я не могу решить за тебя. Не могу дать готового плана. Но я могу дать тебе время. Пока я здесь, ты будешь успевать больше. Думать быстрее. Замечать то, что ускользает от других. А когда я уйду... у тебя останутся знания Дмитрия и память о нашем разговоре.

– Этого достаточно?

– Этого может быть достаточно. Если ты не сдашься.

Тутанхамон долго молчал, глядя куда-то в сторону. Потом медленно, очень медленно проговорил:

– Наша вера была обманом? Нет никакого Ра? Никакого Гора? И все мои предки... они просто рассыпались в прах?

Лемех молчал не меньше. Тишина в зале стала почти осязаемой. Тутанхамон уже начал думать, что ответа не последует, когда старый учёный заговорил.

– У меня нет ответа на этот вопрос, – сказал он тихо. – Из знаний Дмитрия ты уже понял: ваша религия была одной из многих. До вас – другие. После вас – тоже. Сейчас в этом мире существуют десятки верований. Христианство, ислам, буддизм, индуизм, иудаизм – и тысячи мелких, почти забытых. Людям всегда нужна надежда. Надежда, что их существование не заканчивается просто исчезновением.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– Лантийцы не рассуждали подобным образом. Мы... принимали конец. Как естественное продолжение жизни. Старались оставить наследие своим детям, своим потомкам. Не в надежде на загробную жизнь, а в уверенности, что часть нас останется в тех, кто придёт после.

– И всё? – глухо спросил Тутанхамон. – Просто... исчезнуть?

– Конечно, на заре нашей цивилизации существовали разные религиозные идеи, – продолжал Лемех. – Очень похожие на ваши. Боги, загробные миры, суды над душами. Но постепенно, с развитием знаний, они уступили место логике. Мы научились принимать реальность такой, какая она есть. Без прикрас.

Он сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то странное. Сомнение?

– Но потом я открыл ту самую энергию. Ту, что появляется в момент смерти.

Тутанхамон поднял голову.

– Она есть у всех живых существ. У людей, у животных, даже у растений. Просто у разумных – больше. Когда существо умирает, эта энергия... не растворяется. Она уходит. Исчезает в складках пространства-времени.

– И ты не знаешь, куда?

– Не знаю. Я только зафиксировал факт. Она есть. Она исчезает. Дальше – пустота.

Лемех помолчал, и его лицо стало ещё более задумчивым.

– В этом времени существует множество религиозных догматов. Христиане верят в рай и ад, в воскресение мёртвых и Страшный суд. Мусульмане – в райские сады и вечные муки для грешников. Буддисты – в перерождение, в карму, в бесконечную цепь жизней, пока душа не достигнет просветления. Индуисты тоже верят в перерождение, но с другими богами и другими законами. Иудеи – в грядущего Мессию и воскресение праведников.

Он покачал головой.

– Я просматривал это в копии памяти Дмитрия. Тысячи лет люди ищут ответ на один и тот же вопрос. И никто не знает точно. Только верят.

– А ты? – тихо спросил Тутанхамон. – Во что веришь ты?

Лемех долго смотрел на него. Потом чуть заметно улыбнулся.

– Я учёный. Я привык доверять фактам. Факт: энергия существует. Факт: она исчезает в складках пространства-времени. Что с ней происходит дальше – я не знаю. Может быть, она действительно уходит куда-то. Может быть, просто рассеивается. Может быть, в этом и есть то самое "перерождение", о котором говорят ваши религии – только не души, а энергии, которая была частью живого существа.

Он развёл руками.

– Возможно, лантийцы слишком поспешно отринули это направление. Слишком рано объявили религию пережитком прошлого. Ведь если эта энергия подчиняется каким-то законам вселенной, которые были скрыты даже от нас... значит, мы тоже чего-то не знали.

– Значит, надежда есть? – спросил Тутанхамон, и в его голосе впервые за весь разговор появилось что-то похожее на свет.

– Надежда есть всегда, – ответил Лемех. – Даже когда кажется, что её нет. Вопрос не в том, есть ли загробная жизнь. Вопрос в том, что ты делаешь с той жизнью, которая у тебя есть сейчас.

Он посмотрел Тутанхамону прямо в глаза.

– Ты жив. Ты здесь. У тебя есть тело, разум, цель. Всё остальное – узнаешь потом. Когда придёт время.

Тутанхамон кивнул. Медленно, словно принимая не просто слова, а что-то большее.

– Я попробую, – сказал он. – Ради них. Ради тех, кто будет

после.

Лемех чуть заметно улыбнулся.

– Значит, я не зря продержался так долго.

После этого они долго говорили.

Лемех рассказывал – и показывал образами. Тутанхамон видел себя как бы со стороны, видел своё тело изнутри, как оно устроено, как работает. И одновременно слышал голос старого учёного, объясняющего, терпеливо, шаг за шагом.

– Твоё тело изменилось, – говорил Лемех. – Я менял его двадцать лет. Не потому что хотел, а потому что иначе ты бы не выжил. Кома, долгая неподвижность, атрофия мышц, угасание нервных связей – всё это убивает обычного человека за год-два максимум. Ты пролежал двадцать лет. И вышел почти здоровым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.